

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА



Дело «F.G. (F.G.) против Швеции»¹

(Жалоба № 43611/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 23 марта 2016 г.

По делу «F.G. против Швеции» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты*,

Дина Шпильманна,

Андраша Шайо,

Йозепа Касадеваля,

Инеты Зиемеле,

Элизабет Штайнер,

Георга Николау,

Леди Бианку,

Винсента А. де Гаэтано,

Юлии Лаффранк,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Линос-Александра Сицильяноса,

Хелены Ядерблом,

Алеша Пейхалю,

Кшиштофа Войтычека,

Дмитрия Дедова,

Роберта Спано, *судей*,

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 3 декабря 2014 г. и 7 января 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 43611/11, поданной против Королевства Швеция в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека

и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Ирана F.G. (далее – заявитель) 12 июля 2011 г. Председателем Секции Суда удовлетворено ходатайство заявителя о неразглашении его имени (пункт 4 правила 47 Регламента Суда).

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял Д. Лавдей (*D. Loveday*), адвокат коллегии Англии и Уэльса, практикующий в Швеции. Власти Швеции были представлены их агентом А. Рёнkvистом (*A. Rönqvist*), послом и генеральным директором по правовым вопросам Министерства иностранных дел.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что его высылка в Иран составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 25 октября 2011 г. Председатель Секции, в которую было распределено дело, дал указание властям государства-ответчика в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть выдворен в Иран в течение разбирательства дела Европейским Судом. 16 января 2014 г. Палата Европейского Суда в составе Марка Виллигера, Ангелики Нуссбергер, Боштьяна Зупанчича, Анны Пауэр-Форд, Пауля Лемменса и Хелены Ядерблом, а также Клаудии Вестердийк, Секретаря Секции Суда, вынесла Постановление по делу. Палата Европейского Суда указала, что исполнение решения о высылке заявителя не нарушило бы статьи 2 или 3 Конвенции. К Постановлению прилагалось совместное несовпадающее мнение судей Зупанчича, Пауэр-Форд и Лемменса.

5. 16 апреля 2014 г. заявитель ходатайствовал о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции, и Коллегия Большой Палаты удовлетворил ходатайство 2 июня 2014 г.

6. Состав Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

7. Заявитель и власти Швеции подали дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда) по существу жалобы.

8. Кроме того, комментарии третьей стороны были получены от Европейского центра за право и справедливость (*European Centre for Law and Justice*), Альянса по защите свободы (*Alliance Defending Freedom*), которому помогали Юбилейная кампания (*Jubilee Campaign*), Консультация об индивидуальных правах в Европе (*Advice on Individual Rights in Europe*) (центр «Эй-Ай-Ар-И»), Европейский совет по беженцам и ссыльным (*European Council on Refugees and Exiles, ECRE*), Международная комиссия юристов и Управление верховного комиссара ООН

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 7 января 2016 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

по делам беженцев (УВКБ), которым Председатель Большой Палаты разрешил принять участие в письменной процедуре (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44).

9. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 3 декабря 2014 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Швеции:

Андерс Рёнkvист, посол и генеральный директор по правовым вопросам Министерства иностранных дел, *агент*;

Хелен Линдквист (*Helen Lindquist*),

Мария Вестма-Клемент (*Maria Westman-Clément*),

Линда Эман Бростов (*Linda Öman Bristow*), *советники*;

(b) со стороны заявителя:

Дэвид Лавдей, адвокат коллегии Англии и Уэльса, практикующий в Швеции, *адвокат*,

Ханна Петтерсон (*Hanna Pettersson*),

Ангела Эванс (*Angela Evans*), *советники*.

Европейский Суд заслушал выступления Рёнkvиста и Лавдея, а также их ответы на вопросы судей Спано, Ядерблом, Бианку, Пинту де Альбукерке и де Гаэтано.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1962 году и проживает в Швеции.

11. Он прибыл в Швецию 16 ноября 2009 г. и обратился за получением политического убежища.

12. 19 февраля 2010 г. назначенный заявителю адвокат подал письменные объяснения в Миграционную службу Швеции (*Migrationsverket*), в которых изложил основания для ходатайства заявителя о предоставлении политического убежища.

13. 24 марта 2010 г. миграционная служба провела устное интервью с заявителем в присутствии его адвоката и переводчика. Заявитель передал декларацию шведского пастора от 15 марта 2010 г., подтверждающую, что заявитель являлся членом его конгрегации с декабря 2009 года и был крещен. Сотрудник миграционной службы начал интервью с вопроса, касающегося данной темы. Заявитель ответил, что это является частным делом «[его] сердца», добавив: «Это не имеет отношения к тому, но если вы хотите задавать вопросы, то можете это делать. Все проблемы на моей родине вызваны приходом ислама в Иран...». Сотрудник миграционной службы объяснил, что причина, по которой он задает вопросы по данному поводу, заключается в том, что он истолковал сертификат как то, что заявитель ссылался на него как на основание для получения убежища. Заявитель указал: «нет,

это не то, на что я хочу сослаться. Это нечто личное». Сотрудник миграционной службы предложил сделать перерыв в интервью, чтобы заявитель мог проконсультироваться со своим адвокатом. После 10-минутного перерыва адвокат пояснил: «заявитель хочет подчеркнуть, что он сменил религию не для повышения шансов на получение вида на жительство, а по личным убеждениям». На вопрос о том, как он перешел в другую религию, заявитель ответил, что это произошло, когда он прибыл в шведский город X, где было мало иранцев. Он познакомился с человеком, который посещал церковь четыре раза в неделю. Этот человек знал, что заявитель ненавидит ислам. Заявитель продолжил: «Я не рассматриваю христианство как религию». На вопрос о том, почему, заявитель ответил: «если рассматривать это как религию, оно будет как ислам, но христианство – это вид любви к богу». Он пояснил, что посещал собрания конгрегации от двух до четырех раз в неделю и читал Библию. Заявитель привел примеры чудес и пророчеств из Библии, которые привлекли его в христианство. Сотрудник миграционной службы спросил, почему, если заявитель не хотел сослаться на свое обращение в христианство как на основание для предоставления убежища, он, тем не менее, передал сертификат от пастора, на что заявитель ответил: «Я не знаю. Я не просил его выдавать и даже не собирался передавать его вам, но вы его просили. Они выдают всем обратившимся сертификаты наподобие этого».

14. В остальной части интервью речь шла о политическом прошлом заявителя. Заявитель рассказал, что в Иране он работал с лицами, связанными с разными университетами, которые были известны как противники режима. Он в основном работал над созданием и публикацией веб-страниц. Он и еще один человек были задержаны в апреле 2007 года. Он был освобожден после 24 часов и госпитализирован в связи с высоким кровяным давлением.

15. Перед выборами 12 июня 2009 г. заявитель работал с Зеленым движением, которое поддерживало Мусави на президентских выборах путем распространения своих посланий через Интернет. В день накануне выборов он и его друзья были задержаны, допрошены и заключены под стражу на избирательном участке.

16. После выборов заявитель участвовал в демонстрациях и иной деятельности. Он был вновь арестован в сентябре 2009 г. и лишен свободы на 20 дней. В тюрьме с ним обращались жестоко. В октябре 2009 года он был доставлен в Революционный суд, который освободил его через день при условии, что он будет сотрудничать с властями и следить за своими друзьями. Он согласился на эти требования и передал свои офисные помещения в качестве гарантии. Он также заверил власти, что не будет участвовать в демонстрациях и будет

являться к ним по вызову. После освобождения в парке он обнаружил, что его офисные помещения были обысканы. Он хранил там важные политические материалы, которые власти должны были найти, а его паспорт и другие документы исчезли.

17. На 2 ноября 2009 г. заявителя вызвали в Революционный суд. Он связался с другом, который в свою очередь заручился поддержкой контрабандиста, чтобы помочь ему покинуть страну. Заявитель представил повестку из Революционного суда от 21 октября 2009 г., в которой указывалось, что он должен явиться в тюрьму Эвин (*Evin*) в г. Тегеране 2 ноября 2009 г.

18. Интервью в миграционной службе продолжалось примерно два часа, впоследствии протокол был направлен заявителю и его адвокату для комментариев. Адвокат сообщил, что заявитель не прочитал сертификат от пастора конгрегации до интервью, поскольку он не был переведен, и что заявитель собирался представить формальный сертификат о крещении.

19. 29 апреля 2010 г. миграционная служба отклонила ходатайство заявителя о предоставлении убежища. Во вводной части она указала, что, хотя заявитель не доказал свою личность или гражданство, она установила их вероятность.

20. Что касается ходатайства о предоставлении политического убежища, миграционная служба указала, что его участие в демонстрациях или связь с Зеленым движением сами по себе не могли вызвать риск преследования, жестокого обращения или наказания в случае возвращения в Иран. Миграционная служба отметила, что заявитель в некоторых частях изменил свою версию во время разбирательства и, в частности, изменил свои объяснения по поводу количества его задержаний. Кроме того, он не мог назвать парк, в котором был освобожден в октябре 2009 года. Исходя из этого миграционная служба поставила под вопрос, был ли он задержан вообще. Миграционная служба также отметила, что политическая деятельность заявителя была ограниченной. После допроса в 2007 году и до выборов в 2009 году он мог продолжать работать с веб-страницами, содержащими критический материал, хотя, по словам заявителя, в это время власти уже знали о его деятельности. По этим причинам миграционная служба решила, что заявитель не мог представлять интерес для властей в связи с его деятельностью или имеющимися у него материалами.

21. В отношении обращения заявителя в христианство миграционная служба заметила, что обращение и крещение не имело место в Церкви Швеции и что заявитель не предоставил доказательств своего крещения. Сертификат от пастора конгрегации мог рассматриваться только как ходатайство в миграционную службу о предоставлении заявителю убежища. Заявитель первоначально не намеревался ссылаться на свое обращение как

на основание для предоставления убежища и указывал, что его новое вероисповедание – это его частное дело. Исповедание своей веры в частном порядке не было признано уважительной причиной, чтобы полагать, что ему грозит преследование в случае возвращения. На основании изложенного миграционная служба решила, что заявитель не доказал, что он нуждается в защите в Швеции.

22. Заявитель подал жалобу в Миграционный суд (*Migrationsdomstolen*), где поддержал свои требования и ссылаясь на политические и религиозные основания для предоставления убежища. Что касается последних, он приложил сертификат о крещении от 31 января 2010 г. Он отреагировал на решение миграционной службы, которая, по его мнению, предполагала, что обращение в «свободную церковь» имело меньшее значение, чем в Церковь Швеции. Он объяснил, что причина первоначального нежелания ссылаться на свое обращение заключалась в том, что он не хотел опоплять серьезность своих убеждений.

23. 16 февраля 2011 г. миграционная служба провела устное слушание в присутствии заявителя, его адвоката, переводчика и представителя миграционной службы.

24. Миграционная служба не оспаривала тот факт, что заявитель в то время исповедовал христианскую веру, но посчитала, что самого по себе этого недостаточно для того, чтобы считать его нуждающимся в защите. Она сослалась на оперативное руководство Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от января 2009 года.

25. Заявитель сообщил, что не хотел ссылаться на свое обращение в христианство как на основание для предоставления убежища и считал это чем-то личным. Он добавил, что «однако это несомненно создаст [ему] проблемы в случае возвращения».

26. В отношении его политического прошлого он пояснил, в частности, что у него были контакты со студенческим движением и многими студентами, и он помогал им с их домашними интернет-страницами. Его компьютер был изъят из его рабочего помещения, когда он находился в тюрьме. В его компьютере содержались материалы с критикой режима. Хотя он лично не критиковал режим, Президента Ахмадинежада или высших руководителей страны, заявитель посещал некоторые веб-сайты и получал карикатуры по электронной почте. Таким образом, по его мнению, было достаточно доказательств того, что он являлся противником режима. Это было в основном тем же, что и материалы, хранившиеся в его компьютере в 2007 году.

27. Повестка о явке в Революционный суд 2 ноября 2009 г. также была представлена в Миграционный суд. Заявитель объяснил, что повестка была доставлена к нему домой и его сестра передала ее ему. Он оставил повестку у друга, когда уехал из Ирана. Впоследствии этот друг направил повестку другому другу, который собирался на

Украину и обещал переслать повестку заявителю в Швецию. Больше его не вызывали, и семью не трогали. Однако что-то могло произойти, но семья не хотела его обременять.

28. 9 марта 2011 г. Миграционный суд отклонил жалобу заявителя. Он отметил, что заявитель более не ссылался на свои религиозные взгляды как на основание для преследования и не указывал на данную причину в своем заключении.

29. Миграционный суд признал, что рассказ заявителя в поддержку его ходатайства о предоставлении политического убежища был связным и достоверным во многих существенных пунктах. Он решил, что неопределенности, на которые было указано миграционной службой, были удовлетворительно объяснены. Однако что касается повестки в Революционный суд, Миграционный суд счел, независимо от подлинности документа, что она не могла сама по себе обосновать необходимость защиты. Миграционный суд подчеркнул в этом отношении, что документ был всего лишь повесткой и в нем не приводились причины того, почему заявитель должен явиться в тюрьму Эвин. Кроме того, информация относительно политической деятельности заявителя была в целом неясной и неконкретной. Заявитель указал только, что участвовал в оппозиционной кампании перед выборами 2009 года, примкнув к демонстрациям и поддерживая контакты со студенческими движениями и студентами для оказания им помощи с их веб-страницами. Кроме того, заявитель сообщил, что материал, который находился в его распоряжении во время допроса в 2007 году, не отличался от материала, который имелся в 2009 году. Эти обстоятельства совместно с тем фактом, что после ноября 2009 года его больше не вызывали в Революционный суд и его семью не тронули, заставили Миграционный суд сомневаться в том, что его политическая деятельность имела такие характер и масштаб, чтобы вызвать предполагаемые последствия. Миграционный суд решил, что заявитель преувеличил значение своей политической деятельности и ее последствия, а следовательно, и интерес властей к себе. По этим причинам он пришел к выводу, что заявитель не доказал, что власти Ирана имели к нему особый интерес и поэтому он нуждался в защите.

30. 30 марта и 19 апреля 2011 г. заявитель запросил разрешение на обжалование в Миграционный апелляционный суд (*Migrationsöverdomstolen*). Он подтвердил свою нуждаемость в политическом убежище. Заявитель также утверждал, что в Миграционном суде он ссылался на свою смену веры. Заявитель указал, что последний вопрос был для него чувствительным и он считал его частным делом и не хотел омрачать серьезность своих убеждений. Такова была причина того, что в ответ на прямой вопрос Миграционного суда он сказал, что более не намерен ссылаться на свое обра-

ние как на основание предоставления убежища. После устного слушания в Миграционном суде он стал членом другой христианской конгрегации и принял участие в трансляции церемонии инициации в Интернете. Его страхи по поводу того, что его обращение станет известно иранским властям Ирана, таким образом, усилились. Он приложил письмо от 13 апреля 2011 г. из своей новой конгрегации, которое подкрепляло его объяснение. В частности, в нем указывалось, что заявитель сменил вероисповедание вскоре после прибытия в Швецию и что он проявил искреннее намерение и интерес в желании узнать больше о христианстве, принимал участие в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности. Заявитель также указал, что стал членом конгрегации в феврале 2011 года и его христианские убеждения уже не были частными, поскольку службы, которые он посещал, транслировались в Интернете.

31. 8 июня 2011 г. Миграционный апелляционный суд отклонил ходатайство заявителя о разрешении на обжалование. Таким образом, приказ о высылке вступил в силу.

32. 6 июля 2011 г. заявитель просил миграционную службу приостановить исполнение его высылки и пересмотреть предыдущее решение с учетом новых обстоятельств. Он, в частности, указал, что переход из ислама в другую религию запрещен и наказывается в Иране смертью. Заявитель представил вышеупомянутое письмо от 13 апреля 2011 г. из своей новой конгрегации.

33. 13 сентября 2011 г. миграционная служба отказалась пересмотреть ходатайство заявителя о предоставлении убежища на основании его обращения. Миграционная служба отметила, что в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища заявитель указывал, что был крещен и обращен в христианство. Он также пояснил, что его обращение было личным делом, и он не хотел ссылаться на него как на основание предоставления убежища. Миграционная служба сочла заслуживающим внимания, что заявитель выдвинул вопрос об обращении в христианство, когда получил шанс разъяснить его во время устного слушания в Миграционном суде, но не сделал этого. Исходя из этого она заключила, что обращение заявителя не могло рассматриваться как новое обстоятельство, что являлось бы предпосылкой для пересмотра ходатайства миграционной службы.

34. Заявитель обжаловал решение в Миграционный суд, настаивая на своих требованиях. Заявитель утверждал, что, поскольку он ранее не ссылался на свое обращение, оно должно рассматриваться как новое обстоятельство.

35. 6 октября 2011 г. Миграционный суд отклонил жалобу. Он отметил, что власти были осведомлены об обращении заявителя в первоначальном разбирательстве, которое повлекло решение о его

высылке. Следовательно, обращение не могло рассматриваться как «новое обстоятельство». Тот факт, что заявитель ранее предпочел не ссылаться на свое обращение в христианство как на основание предоставления убежища, не меняет судебной оценки в этом отношении.

36. Ходатайство заявителя о разрешении на обжалование было отклонено Миграционным апелляционным судом 22 ноября 2011 г.

37. Поскольку согласно разделу 12, глава 22 Закона «об иностранцах» приказ о высылке теряет силу через четыре года после даты его вступления в законную силу, в настоящем деле приказ о высылке утратил силу 8 июня 2015 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

38. Соответствие положения относительно права иностранцев на въезд в Швецию и на пребывание там изложены в Законе «Об иностранцах» (*Utlänningslagen*, 2005:716) с изменениями от 1 января 2010 г.

39. Статья 1 главы 5 Закона «Об иностранцах» предусматривает, что иностранец, который считается беженцем или иным образом нуждающимся в защите, с определенными исключениями имеет право на вид на жительство в Швеции. Согласно статье 1 главы 4 Закона «Об иностранцах» термин «беженец» означает иностранца, который находится вне страны своего гражданства из-за обоснованных опасений стать жертвами преследования по признаку расы, национальности, религиозных или политических убеждений, пола, сексуальной ориентации или иного рода принадлежности к конкретной социальной группе и который не может или в связи с таким опасением не хочет воспользоваться защитой этой страны. Данное определение применимо независимо от того, осуществляют ли преследование власти страны или от этих властей нельзя ожидать защиты от преследования со стороны частных лиц. «Иностранец, иным образом нуждающийся в защите» означает, в частности, лицо, которое покинуло страну своего гражданства из-за обоснованного страха смертной казни или телесного наказания, пытки или иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (см. статью 2 главы 4 Закона «Об иностранцах»).

40. Кроме того, если вид на жительство не может быть предоставлен на вышеизложенных основаниях, он может быть выдан иностранцу, если после общей оценки его ситуации усматриваются особенно мучительные обстоятельства (*synnerligen ömmande omständigheter*), чтобы позволить ему остаться в Швеции (см. статью 6 главы 5 Закона «Об иностранцах»).

41. Что касается исполнения приказа о высылке или выдворении, следует учитывать угрозу смертной казни или пытки и другого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Согласно специальной норме о препятствиях для исполнения иностранец не может быть выдворен в страну, если есть разумные основания полагать, что там ему угрожает опасность быть приговоренным к смертной казни или телесному наказанию, подвергнуться пыткам или иному бесчеловечному или унижающему достоинству обращению или наказанию (см. статью 1 главы 12 Закона «Об иностранцах»). Кроме того, высылка иностранца в страну, где он может подвергнуться преследованию, не допускается в принципе (см. статью 2 главы 12 Закона «Об иностранцах»).

42. При определенных условиях иностранцу может быть предоставлен вид на жительство, даже если приказ о высылке или выдворении вступил в законную силу. Согласно статье 18 главы 12 Закона «Об иностранцах» это происходит в случае появления новых обстоятельств, указывающих на наличие разумных оснований полагать, что в случае исполнения такого приказа иностранцу будет угрожать опасность подвергнуться смертной казни, телесным наказаниям, пыткам или другим видам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания или когда приказ о высылке не может быть исполнен по медицинским или иным особым причинам.

43. Если вид на жительство не может быть предоставлен в соответствии со статьей 18 главы 12 Закона «Об иностранцах», миграционная служба может вместо этого пересмотреть вопрос. Данный пересмотр проводится в случаях, когда на основании новых доказательств, на которые ссылается иностранец, можно допустить существование сохраняющихся препятствий для исполнения приказа того характера, о котором говорится в статьях 1 и 2 главы 12 Закона «Об иностранцах», и что об этих обстоятельствах нельзя было сообщить ранее или иностранец доказал наличие уважительных причин, по которым он этого не сделал. Если применимые условия не выполнены, миграционная служба принимает решение об отказе в пересмотре дела (см. статью 19 главы 12 Закона «Об иностранцах»).

44. Согласно Закону «Об иностранцах» вопросы относительно права иностранцев на въезд и пребывание в Швеции рассматриваются тремя органами: миграционной службой, Миграционным судом и Миграционным апелляционным судом. Однако жалоба на решение миграционной службы о непредоставлении вида на жительство в соответствии со статьей 18 главы 12 Закона «Об иностранцах» не подается (см. противоположный пример в главе 14 Закона «Об иностранцах»). Согласно статье 16 главы 11 Закона «Об иностранцах» раз- решение на обжалование является условием для

рассмотрения дела по существу Миграционным апелляционным судом. Разрешение на обжалование дается, если это имеет значение для руководства применением закона, на основании которого Миграционный апелляционный суд рассматривает жалобу, или если имеются экстраординарные причины для такого рассмотрения.

В соответствии со статьей 22 главы 12 Закона «Об иностранцах» приказ о высылке, который не был выдан судом общей юрисдикции (то есть не вследствие уголовного осуждения), теряет силу через четыре года после вступления в законную силу. Когда срок давности по приказу о высылке истекает, иностранец может заново обратиться за предоставлением убежища и вида на жительство. Новое заявление влечет полное рассмотрение миграционной службой причин, выдвинутых иностранцем, и в случае отрицательного решения службы оно может быть обжаловано в Миграционный суд и Миграционный апелляционный суд в соответствии с правилами, относящимися к обычному разбирательству по поводу убежища и вида на жительство. Жалоба на отрицательное решение службы имеет приостанавливающее действие, и иностранец, соответственно, не может быть выслан, пока разбирательство продолжается.

45. 30 ноября 2011 г. Миграционный апелляционный суд Швеции вынес решение (MIG 5 (25), 2011:29) по поводу оценки угрозы преследования в делах об обращении *sur place*¹. Он указал, что при оценке того, убедительно ли доказал иностранец, что его обращение из одной религии в другую было искренним, поскольку было основано на искренних личных убеждениях, должна осуществляться индивидуальная оценка в соответствии с руководством УВКБ по процедурам и критериям определения статуса беженца в соответствии с Конвенцией 1951 года, Протоколом 1967 года, касающимся статуса беженцев (далее – руководство УВКБ), и рекомендациями УВКБ о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии (далее – рекомендации УВКБ). Общая оценка должна производиться на основе обстоятельств, при которых обращение имело место, и того, можно ли ожидать, что заявитель сможет жить как обращенный на родине. Кроме того, в случае лиц, которые обратились в новую веру после выезда из страны происхождения (обращение *sur place*), вопрос достоверности требует особого внимания. Если обращение произошло вскоре после того, как

решение о высылке заявителя стало окончательным и не подлежащим обжалованию, особое внимание следует уделить достоверности заявлений об обращении. Заявитель, обращение которого считалось не основанным на искреннем убеждении, убедительно не доказал, что в случае возвращения в страну происхождения он имел намерение жить там в качестве обращенного и впоследствии привлекать внимание властей или лиц.

46. 12 ноября 2012 г. генеральный директор по правовым вопросам Миграционной службы Швеции издал «общую правовую позицию» относительно религии как основания для предоставления убежища включая обращение (*Rättsligt ställningstagande angående pelugiu som asylskäl inklusive konvertering*, RCI 26/2012). Она была основана на вышеупомянутом решении Миграционного апелляционного суда (MIG 5 (25) 2011:29), рекомендациях УВКБ и решении от 5 сентября 2012 г. Суда Европейского союза по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*) (№№ C-71/11 и C-99/11) (см. § 50 настоящего Постановления). Согласно правовой позиции достоверность обращения должна быть тщательно проверена для определения того, имело ли место искреннее обращение. Лицо, чье обращение не основано на искреннем убеждении, вероятнее всего, не будет исповедовать свою новую религию по возвращении в страну происхождения. Кроме того, если заявитель не заслуживает доверия, должна быть произведена оценка того, атрибутируется ли приверженность новой религии лицу по возвращении в страну происхождения. При этой оценке целесообразно рассмотреть вопрос о том, может ли обращение дойти до сведения властей или любого другого актора, который может представлять угрозу, и дойдет ли оно до него. Наконец, лицо, пережившее искреннее изменение своей веры или которому грозит атрибуция нового религиозного убеждения и которому поэтому грозит преследование, не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования.

47. 10 июня 2013 г. генеральный директор по правовым вопросам Миграционной службы Швеции издал «общую правовую позицию» относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите (*Rättsligt ställningstagande angående metod för prövningen av tillförlitlighet och trovärdighet*, RCI 09/2013), которая была основана, в частности, на оценке УВКБ в его докладе «Вне сомнений: оценка достоверности в системах убежища ЕС» (*Beyond Proof; Credibility Assessment in EU Asylum Systems*) от мая 2013 года. В ней указывается, что заявитель обязан представить все соответствующие элементы, необходимые для обоснования своего обращения о международной защите, и что первоначальное бремя доказывания возлагается на заявителя.

¹ *Sur place* (фр.) – на месте. В данном контексте имеются в виду беженцы на месте (беженцы *sur place*) – лица, которые не являются беженцами при выезде из страны своего происхождения, но которые становятся таковыми позднее (то есть у них появляется вполне обоснованное опасение стать жертвами преследований). Беженцы на месте могут опасаться преследований из-за военного переворота на своей родине, начала или усиления репрессий после своего отъезда (примеч. редактора).

Однако ответственность за оценку ходатайства о международной защите возлагается на заявителя и на рассматривающий орган. Кроме того, из правовой позиции также следует, что доказательства в деле о предоставлении убежища состоят не только из объяснений заявителя, но и из подкрепляющих данных, таких как документы, свидетельские показания и информации о стране.

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

48. Директива Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в международной защите по иным основаниям, и объеме предоставляемой защиты» (далее – директива о квалификации), замененная Директивой Совета 2011/95/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. о стандартах квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве бенефициаров международной защиты, о едином статусе беженцев или лиц, имеющих право на дополнительную защиту, а также о содержании предоставляемой защиты, которая применяется с 9 января 2012 г., в соответствующих частях предусматривает следующее:

«...Статья 4. Оценка фактов и обстоятельств

1. Государства-члены могут считать, что заявитель обязан как можно скорее предоставить все элементы, необходимые для обоснования своего ходатайства о предоставлении международной защиты. Государство-член обязано сотрудничать с заявителем, производя оценку соответствующих элементов ходатайства.

2. Элементы, упомянутые в пункте 1, представляют собой заявления и всю документацию, имеющуюся в распоряжении заявителя относительно его возраста, происхождения, в том числе родственников, личности, гражданства, страны (стран) и места (мест) предыдущего проживания, предыдущих ходатайств о предоставлении убежища, маршрутов передвижения и причин ходатайства о международной защите.

3. Оценка ходатайства о международной защите осуществляется индивидуально и учитывает следующее:

(а) все существенные факты, касающиеся страны происхождения, имеющиеся на момент принятия решения по ходатайству, в том числе законы и подзаконные акты страны происхождения и особенности их применения;

(б) существенные заявления и документы, представленные заявителем, в том числе информацию о том, подвергается и может ли подвергнуться заявитель преследованиям или риску причинения серьезного вреда;

(с) личную позицию и обстоятельства заявителя, в том числе такие факторы, как биографические

данные, пол и возраст, для того, чтобы определить, являются ли действия, которым подвергся или мог подвергнуться заявитель ввиду своих личных обстоятельств, его преследованием или причинением ему серьезного вреда;

(d) были ли действия заявителя после того, как он покинул страну происхождения, направлены исключительно или главным образом на создание необходимых условий для подачи ходатайства о предоставлении международной защиты с тем, чтобы оценить, приведут ли эти действия к преследованию заявителя или причинению ему серьезного вреда в случае его возвращения в эту страну;

(е) есть ли у заявителя веские основания рассчитывать на то, что он сможет получить защиту другой страны, на гражданство которой он мог бы претендовать.

4. Тот факт, что заявитель уже подвергался преследованиям, ему уже причинялся тяжкий вред или поступали прямые угрозы такого преследования или вреда, является серьезным признаком наличия у заявителя обоснованных опасений стать жертвой преследования или реальной угрозы причинения ему тяжкого вреда, за исключением случаев, когда существуют веские основания полагать, что подобное преследование или серьезный вред более не повторятся.

5. Если государство-участник применяет принцип, согласно которому заявитель обязан обосновать свое ходатайство о предоставлении международной защиты, и если утверждения заявителя не подтверждаются документальными или иными доказательствами, эти аспекты не требуют подтверждения при соблюдении следующих условий:

(а) заявитель сделал реальную попытку обосновать ходатайство;

(б) были представлены все значимые элементы, имеющиеся в распоряжении заявителя, и было дано удовлетворительное объяснение отсутствия других значимых элементов;

(с) утверждения заявителя признаны непротиворечивыми и правдоподобными и соответствуют имеющейся по его делу информации конкретного и общего характера;

(d) заявитель при первой же возможности подал ходатайство о предоставлении международной защиты, за исключением случаев, когда заявитель может привести уважительные причины, по которым он этого не сделал, и

(е) установлено, что в целом заявитель заслуживает доверия.

Статья 5. Потребности в международной защите *sur place*

1. Вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований или подвергнуться реальному риску причинения серьезного вреда могут основываться на событиях, которые произошли после того, как заявитель покинул страну своего происхождения.

2. Вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований или подвергнуться реальному риску причинения серьезного вреда могут осно-

вываться на действиях, предпринятых заявителем с того момента, когда он покинул страну своего происхождения, в частности, если установлено, что действия, которые принимаются во внимание, являются выражением убеждений или взглядов, которых заявитель придерживался в стране происхождения.

3. Без ограничения положений Женевской конвенции государства-участники могут определить, что заявителю, подающему повторное ходатайство, обычно не предоставляется статус беженца, если риск преследования основывается на обстоятельствах, которые заявитель создал по своему собственному решению после того, как покинул страну своего происхождения...

Статья 9. Действия по преследованию

1. Действия, рассматриваемые как преследования в свете статьи 1(А) Женевской конвенции, должны:

(а) быть достаточно серьезными по своему характеру или повторяемости и представлять собой серьезное нарушение основных прав человека, в частности, прав, которые не могут быть нарушены согласно пункту 2 статьи 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод,

или

(б) являться комплексом разных мер, включая нарушение прав человека, которые являются достаточно серьезными, чтобы ущемлять интересы лица таким же образом, как указано в подпункте (а).

2. Действия по преследованию, определенные в пункте 1, могут, в частности, иметь форму:

(а) актов физического или психического насилия, в том числе актов сексуального насилия;

(б) правовых, административных, полицейских и/или судебных мер, которые сами по себе являются дискриминационными или осуществляются дискриминационным способом;

(с) судебного преследования или наказания, которое является несоразмерным или дискриминационным;

(д) отказа в судебном обжаловании, что приводит к несоразмерному или дискриминационному наказанию;

(е) судебного преследования или наказания за уклонение от военной службы в таком конфликте, когда военная служба может включать совершение преступления или актов, подпадающих под изъятия, предусмотренные в статье 12(2);

(ф) актов, направленных против определенного пола или детей.

3. В соответствии со статьей 2(с) должна существовать связь между причинами, перечисленными в статье 10, и актами преследования, определенными в пункте 1.

Статья 10. Причины преследования

1. Государства-члены принимают во внимание следующие факторы при оценке причин преследований:

(а) концепция расы, в частности, включает такие признаки, как цвет кожи, происхождение или принадлежность к определенной этнической группе;

(б) концепция религии, в частности, включает такие признаки, как теистические, нетеистические и атеистические убеждения, участие или неучастие в формальном богослужении публично или частным образом как индивидуально, так и совместно с другими лицами, другие религиозные действия или выражение мнения, формы личного или общинного поведения, которые основываются или проявляются на любых религиозных убеждениях...».

49. Директива Совета 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. (Директива о процедурах предоставления убежища) «О минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца», была заменена Директивой 2013/32/EU Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г. об общих процедурах предоставления и отмены международной защиты, которая применяется с 19 июля 2013 г. Первая, в частности, указывала следующее:

«...Раздел III. ПРОЦЕДУРЫ РАССМОТРЕНИЯ В ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Глава II

Статья 25. Недопустимые ходатайства

1. В дополнение к случаям, когда ходатайство не рассматривается согласно Регламенту (ЕС) № 343/2003, от государств-членов не требуется рассматривать вопрос о квалификации лица в качестве беженца в соответствии с Директивой 2004/83/ЕС, если ходатайство считается недопустимым в соответствии с настоящей статьей.

2. Государства-члены могут считать ходатайства недопустимыми в соответствии с настоящей статьей, если...

...(f) заявитель подал повторное ходатайство после принятия окончательного решения...

Глава IV

Статья 32. Повторное ходатайство

1. Если лицо, подавшее ходатайство о предоставлении убежища в государстве-члене, предоставляет дополнительную информацию или ходатайствует повторно, то государство-член может рассматривать такую информацию или элементы последующего ходатайства в рамках рассмотрения предыдущего ходатайства или процедуры пересмотра или обжалования в такой степени, в которой компетентные органы могут принять во внимание и рассмотреть все элементы дополнительной информации или последующего ходатайства.

2. Кроме того, государства-члены могут применять специфическую процедуру, оговоренную в пункте 3, если лицо подает повторное ходатайство о предоставлении убежища после того, как:

(а) его предыдущее ходатайство было отозвано или прекращено на основании статей 19 и 20;

(b) было принято решение по его предыдущему ходатайству. Государства-члены могут также применять данную процедуру только после принятия окончательного решения.

3. Повторное ходатайство о предоставлении убежища является предметом предварительной проверки в отношении того, появились ли после отзыва предыдущего ходатайства или принятия по нему решения, согласно пункту 2(b) настоящей статьи, новые сведения или элементы, относящиеся к проверке того, можно ли квалифицировать лицо как беженца согласно Директиве 2004/83/ЕС, и были ли они представлены заявителем...

Раздел V

Статья 39. Право на эффективную правовую защиту

1. Государства-члены обеспечивают, чтобы заявители, ходатайствующие о предоставлении убежища, имели право на эффективную правовую защиту в суде или трибунале в отношении:

(a) решения, принятого по ходатайству о предоставлении убежища, в том числе решения:

(i) считать ходатайство недопустимым в соответствии со статьей 25(2)...

50. 5 сентября 2012 г. Большая Палата Суда Европейского союза (далее – CJEU) вынесла решение по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*) (NºNº C-71/11 и C-99/11). Оно касалось двух искателей убежища из Пакистана, которые утверждали, что они подвергались жестокому обращению в связи с принадлежностью к мусульманской общине ахмадийя, исламскому реформистскому движению, и что по этой причине были вынуждены покинуть страну происхождения. Власти Германии установили, что Y и Z были искренне преданы своей вере и что их жизнь в Пакистане определялась ею. Они продолжали исповедовать свою религию в Германии и считали, что публичное исповедание веры имеет существенное значение для сохранения своей религиозной идентичности. Обращения по поводу предварительного решения касались толкования статей 2(c) и 9(1)(a) Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты». Административный суд Германии (*Bundesverwaltungsgericht*) поставил перед CJEU три вопроса. Во-первых, он спрашивал, в какой степени нарушение свободы религии и, в частности, права лица на полное и открытое исповедание своей веры может быть «актом преследования» в значении статьи 9(1)(a) Директивы 2004/83/ЕС. Далее, внутригосударственный суд спрашивал CJEU, должна ли была концепция акта преследования быть ограничена нарушениями, затрагивающими лишь «ключевую сферу» свободы религии. Наконец, он задал CJEU вопрос о том, было

ли опасение беженца по поводу преследования обоснованным в значении статьи 2(c) Директивы 2004/83/ЕС, если беженец собирался в случае возвращения в страну своего происхождения совершать религиозные акты, которые ставили под угрозу его жизнь, свободу или неприкосновенность, или было ли разумным ожидать, что это лицо оставит практику таких актов. В своем заключении CJEU указал следующее:

«1. Статья 9(1)(a) Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. “О минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты” должна толковаться как означающее следующее:

– не каждое вмешательство в право на свободу религии, которое нарушает статью 10(1) Хартии Европейского союза по правам человека, может составлять “акт преследования” в значении этого положения Директивы;

– возможен акт преследования в результате вмешательства во внешнее выражение этой свободы, и

– для целей определения того, может ли вмешательство в право на свободу религии, которое нарушает статью 10(1) Хартии Европейского союза по правам человека, составлять “акт преследования”, компетентные органы должны удостовериться, с учетом личных обстоятельств заинтересованного лица, подвергается ли это лицо вследствие осуществления этой свободы в стране его происхождения реальной угрозе, в частности, преследования или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания со стороны одного из акторов, упомянутых в статье 6 Директивы 2004/83.

2. Статья 2(c) Директивы 2004/83 должна толковаться как означающая, что опасение заявителя по поводу преследования является обоснованным, если в свете личных обстоятельств заявителя компетентные органы полагают, что можно обоснованно думать, что после его возвращения в страну его происхождения он будет участвовать в религиозных обрядах, которые подвергнут его реальной угрозе преследования. При оценке ходатайства о признании статуса беженца на индивидуальной основе эти органы не могут разумно ожидать, чтобы заявитель воздержался от этих религиозных практик».

51. 2 декабря 2014 г. Большая Палата CJEU вынесла решение по делу («A, B и C против Государственного секретаря по безопасности и юстиции» (*A, B и C v. Staatssecretaris van Veiligheid en Justitie*)) (NºNº C-148/13, C-149/13 и C-150/13 совместно). Оно затрагивало граждан третьей страны, которые подали обращение о предоставлении убежища в Нидерландах, поскольку они боялись преследования в соответствующих странах происхождения, в частности, в связи с их гомосексуализмом. Государственный совет Нидерландов (*Raad van State*) запросил предварительное решение по поводу толкования статьи 4 Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. относи-

тельно того, ограничивает ли законодательство ЕС действия государств-членов при оценке обращений о предоставлении убежища, поданных заявителем, который боялся преследования в своей стране происхождения по признакам сексуальной ориентации. В своем заключении CJEU указал следующее:

«Статья 4(3)(с) Директивы 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. “О минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты” и статья 13(3)(а) Директивы 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. “О минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца” должны толковаться как препятствующие в контексте оценки компетентными национальными органами, действующими под надзором судов, фактов и обстоятельств относительно провозглашенной сексуальной ориентации обратившегося за предоставлением убежища, чье обращение основано на опасении преследования по признакам этой сексуальной ориентации, заявлениям этого заявителя и документальным и иным данным, подвергшимся оценке этими органами на основании вопросов, основанных только на стереотипных понятиях относительно гомосексуалистов.

Статья 4 Директивы 2004/83 во взаимосвязи со статьей 7 Хартии Европейского союза по правам человека должна толковаться как препятствующая в контексте этой оценки компетентным органам в проведении подробного вопроса относительно сексуальных практик обратившегося за предоставлением убежища.

Статья 4 Директивы 2004/83 во взаимосвязи со статьей 1 Хартии Европейского союза по правам человека должна толковаться как препятствующая в контексте этой оценки принятию этими органами данных, таких как совершение обратившимся за предоставлением убежища гомосексуальных актов, прохождение им “тестов” с целью установления его гомосексуализма или еще предоставление им фильмов о таких актах.

Статья 4(3) Директивы 2004/83 и статья 13(3)(а) Директивы 2005/85 должны толковаться как препятствующие в контексте этой оценки компетентным национальным органам в установлении того, что показания обратившегося за предоставлением убежища не являются достоверными только потому, что заявитель не ссылался на объявленную сексуальную ориентацию при первой возможности, предоставленной ему для изложения оснований для преследования».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ (УВКБ)

52. 28 апреля 2004 г. УВКБ издало Рекомендации¹ по международной защите относительно тре-

бований беженцев на религиозной основе, которые под заголовком «Анализ по существу, А. определение “религии”» (*Substantive Analysis, A. defining “religion”*), в частности, указывают:

«...9. Установление искренности веры, идентичности и/или определенного образа жизни совсем необязательно в каждом случае. К примеру, совсем необязательно, чтобы отдельный человек (или же группа людей) объявляла о том, что он или она принадлежит к определенной религии, придерживается какого-то конкретного вероисповедания или же придерживается каких-либо религиозных обычаев, которые преследователь вменяет им или связывает с этой религией, верой или обычаями. Как говорится в приведенном ниже § 31, может быть и так, что заявителю совсем необязательно знать что-либо о религии или понимать что-либо в ней в том случае, когда он или она другими были идентифицированы как принадлежащие к этой конкретной группе, в результате чего они боятся преследования. Человек (или группа людей) могут подвергаться преследованиям по религиозным мотивам даже в том случае, когда этот человек или другие члены группы твердо отрицают то, что их верования, идентичность и/или образ жизни представляют собой “религию”».

Согласно рекомендациям религиозные убеждения, идентичность или образ жизни могут рассматриваться в качестве основ идентичности человека, которые человек не должен быть вынужден скрывать, изменять или отказываться от них для того, чтобы избежать преследований. Ограничения свободы исповедания религии или убеждений могут быть оправданными, если они предусмотрены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, а также основных прав и свобод других лиц. Даже несмотря на то, что дискриминация по религиозным мотивам запрещена в соответствии с международным законодательством по правам человека, необязательно, что каждая дискриминация достигает уровня, требуемого для того, чтобы за заявителем был признан статус беженца. В целях анализа заявлений на предоставление убежища необходимо проводить разграничение между дискриминацией, которая приводит просто к предпочтительному обращению, и дискриминацией, которая ведет к преследованию, поскольку все эти факторы вместе или каждое в отдельности серьезно ограничивают возможность заявителя по реализации его фундаментальных прав человека. Кроме того, в тех случаях, когда люди переходят в другую веру уже после того, как они покинули страну происхождения, может быть создан эффект заявления *sur place*. В таких ситуациях возникает определенная озабоченность относительно доверия, и требуется скрупулезное и глубокое изучение обстоятельств и того, насколько искренним было обращение в другую веру. Те вопросы, которые надо будет изучить лицам, принимающим решения, включают в себя природу и связь между любыми религиозными убеждениями, которые существо-

¹ На русском языке называются «Руководство по международной защите. Заявления на предоставление статуса беженца по религиозным мотивам» (примеч. переводчика).

вали у заявителя в стране происхождения и теми религиозными убеждениями, которых он придерживается в настоящее время, они также включают любое недовольство относительно той религии, которой заявитель придерживался в стране происхождения, например, из-за своей позиции по гендерным вопросам или вследствие сексуальной ориентации, также и то, каким образом заявитель узнал о новой религии в стране, предоставившей убежище, его ожидания от этой религии, его психическое состояние, а также наличие подтверждающих свидетельств относительно уровня его участия и членства в новой религии. Так называемая деятельность в «собственных интересах» не вызывает справедливо обоснованного страха быть подвергнутым преследованиям в стране происхождения заявителя в тех случаях, когда оппортунистическая природа такой деятельности будет несомненной для всех, включая власти страны происхождения, и не предвидится каких-либо неблагоприятных последствий для заявителя, если он будет возвращен в страну происхождения.

53. УВКБ также опубликовало руководство по процедурам и критериям определения статуса беженца согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года о статусе беженцев (руководство УВКБ). Параграф 67 руководства предусматривает следующее:

«Задачей проверяющего лица при изучении обстоятельств дела является установление причины или причин преследований и принятие решения о том, соответствуют ли они определению Конвенции 1951 года. Очевидно, что причины преследования по этим различным мотивам будут частично совпадать. Чаще всего будет присутствовать более чем один элемент, связанный с одним лицом, например, политическим оппонентом, который принадлежит к религиозной или национальной группе или обеим сразу, и совокупность этих причин для одного лица будет иметь значение при оценке его вполне обоснованных опасений».

Также имеет значение доклад УВКБ «Вне доказывания: оценка достоверности в системах убежища ЕС» (*Beyond Proof: Credibility Assessment in EU Asylum Systems*) от мая 2013 г.

V. РЕШЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА США

54. Соответствующие решения Верховного суда США, «Соединенные Штаты против Стигера» (*United States v. Steeger*¹), 380 U.S. 163 (1965) и «Уэлш против Соединенных Штатов» (*Welsh v. United States*) от 15 июня 1970 г. касались отказников от военной службы по мотивам совести и «теста религиозного убеждения», вынесенные Верховным судом США в соответствии с § 6(j) Закона о всеобщей военной подготовке и службе. В первом решении Верховный суд указал, что тест религиозного убеждения согласно § 6(j) заключается в том, имеется ли искреннее и значимое убежде-

ние, занимающее в жизни обладателя место, занимаемое Богом у тех, кто считается имеющим право на освобождение. Таким образом, статус отказника по мотивам совести не ограничивался лицами с традиционной религиозной основой. В последнем решении Верховный суд решил, что, хотя Уэлш отрицал какую-либо религиозную основу своих убеждений, в то время как Сигер характеризовал свои пацифистские убеждения как «религиозные», убеждения Уэлша, тем не менее, должны были учитываться. Верховный суд США, в частности, указал:

«Суд разъяснил [в деле Стигера], что искренние и значимые убеждения, которые обусловили возращение лица, поставленного на воинский учет, против всех войн не требуют ограничения источником или содержанием в традиционных или узких концепциях религии. Он указал, что § 6(j) “не различает между внешне и внутренне приобретенными убеждениями”, *id.* на с. 186, а также указал, что “чрезвычайно личные” убеждения, которые кто-то может найти “недостижимыми” или “неправильными”, используются в значении “религиозного убеждения” в законе, *id.* на с. 184–185. Согласно делу Сигеру для того, чтобы возражение по мотивам совести лица, поставленного на воинский учет, против любой войны было “религиозным” в значении 6(j), необходимо, чтобы его возражение против войны следовало из моральных, этических или религиозных убеждений лица, поставленного на воинский учет, по поводу того, что правильно и неправильно, и чтобы эти убеждения поддерживались силой традиционных религиозных убеждений. Большая часть великих религий современности и прошлого воплощает идею Верховного существа или Верховной реальности, Бога, который сообщает человеку тем или иным способом сознание того, что является правильным и должно быть сделано и что неправильно и чего следует избегать. Если лицо глубоко и искренне придерживается убеждений, которые являются чисто этическими или моральными по источнику и содержанию, но, тем не менее, возлагают на него долг совести по воздержанию от участия в любой войне в любое время, эти убеждения определенно занимают в жизни этого индивида “место, параллельное занимаемому... Богом” у традиционно религиозных лиц. Поскольку его убеждения функционируют как религия в его жизни, данный индивид в такой же степени имеет право на освобождение “религиозного” отказника по мотивам совести в соответствии с § 6(j), как любой, кто основывает свою оппозицию войне по мотивам совести на традиционных религиозных убеждениях».

VI. СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ХОДАТАЙСТВУ ЗАЯВИТЕЛЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УБЕЖИЩА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ

55. Соответствующий справочный материал включает информацию Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от 26 сентября 2013 г. «Иран, доклад страны происхождения» (*Iran, Country of Origin*) (COI) (Report), который, в частности, содержит разделы «История и послед-

¹ Чаще упоминается как *Seeger* (примеч. переводчика).

ние события» (*History and Recent Developments*) (главы 3 и 4), «Вызовы» (*Summonses*) (глава 11.53) и «Зеленое движение» (*Green Movement*) (глава 15.49). Также представляют интерес доклад специального докладчика ООН о ситуации с правами человека в Исламской Республике Иран от 13 марта 2014 г. и доклад Министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства «Иран, страна тревоги» (*Iran, Country of Concern*) от 10 апреля 2014 г.

56. Сразу после выборов в Иране 12 июня 2009 г. Комитет по политическим делам Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) 1 октября 2009 г. принял декларацию, в которой признал насильственную реакцию властей Ирана на мирные протесты серьезным нарушением прав граждан страны. Он также призвал правительства других стран не высылать граждан этой страны в Иран. Кроме того, в докладе Госдепартамента США о правах человека за 2010 год по поводу Ирана, в разделе 2 «Свобода слова и прессы/Свобода Интернета» (*Freedom of Speech and Press/Internet Freedom*) (8 апреля 2011 г.), отмечалось:

«Правительство осуществляло мониторинг интернет-коммуникаций, особенно через сайты социальных сетей, таких как Facebook, Twitter и YouTube, и собирало персональные данные лиц в связи с мирным выражением мнения. Правительство угрожало, запугивало и задерживало лиц, которые публиковали в Интернете критические по отношению к правительству комментарии...».

Оперативное руководство Министерства внутренних дел Соединенного Королевства по Ирану, датированное ноябрем 2011 года, указывало следующее: «3.7.11... Существует реальная угроза того, что известные активисты и политические оппоненты, привлечшие внимание властей, в случае возвращения в Иран столкнутся с реальной угрозой преследования, и им следует предоставлять убежище по мотиву политического мнения».

VII. СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ХОДАТАЙСТВУ ЗАЯВИТЕЛЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УБЕЖИЩА, ОСНОВАННОМУ НА ЕГО ОБРАЩЕНИИ

57. В документе «Уточнение ситуации с лицами, обращенными в христианство, в Иране» (*Update on the Situation for Christian Converts in Iran*) Иммиграционной службы Дании от июня 2014 года, в частности, указывается следующее:

«...1.2.1. Обвинения, предъявляемые обращенным в христианство по прошествии времени

По данным международной организации в Турции, хотя отступничество не предусмотрено в Уголовном кодексе Иране, в прошлом были случаи вынесения судьями решений об отступничестве на основании знаний судьи и учета ислам-

ского права. Упоминается дело пастора Судманда (*Soodmand*), который был казнен в 1990 году по обвинению в отступничестве. Кроме того, дополнительно указывалось, что в 1994 году другой пастор, Мехди Дибадж (*Mehdi Dibaj*), был обвинен в отступничестве, освобожден и найден убитым в лесу. После 1990 года в Иране отсутствуют сообщения о смертных приговорах, вынесенных лицам, обращенным из ислама в христианство за отступничество. Последнее дело, в котором обращенный был обвинен в отступничестве, это дело Юсефа Надерхани (*Yousef Naderkhani*), пастора Церкви Ирана, которое широко освещалось в международных средствах массовой информации. Он был приговорен к трем годам лишения свободы.

В 2009–2010 годах, когда возникло дело Надерхани, суды подвергались давлению режима в целях использования обвинений в отступничестве в делах относительно обращенных. Однако суды сопротивлялись, так как дела об отступничестве передавались в специальные религиозные суды для духовенства. Религиозные суды были единственными судами, которые могли судить по обвинениям в отступничестве, и, следовательно, только в случае обращения клирика такое обвинение могло быть применимым. Вместо этого в судах, помимо религиозных, дела с участием обращенных могли использовать обвинения в нарушении общественного порядка, а не в отступничестве.

После 2011 года единственное изменение в обращении властей с лицами, перешедшими в христианство, заключается в кристаллизации, что отступничество не применимо к обращенным в христианство. Власти Ирана указали в 2009–2011 годах, что домашние церкви были связаны с внешними движениями, например, с сионистскими движениями и зарубежными организациями, например, в США. Режим считает усилия евангелических движений посягательством против иранского режима. В результате евангелические церкви и домашние церкви рассматриваются с точки зрения национальной безопасности. Это мнение режима объясняет, почему некоторые дела с участием обращенных, особенно лидеров домашних церквей, также включают обвинения политического характера.

По поводу дела Юсефа Надерхани «Крисчен солидарити уорлдуайд» (*Christian Solidarity Worldwide*) (CSW) заявила, что, по сведениям организации, Надерхани до сих пор проживает в г. Реште (*Rasht*) и продолжает пасторскую деятельность. Не было случаев отступничества у христиан в Иране после дела Надерхани, в котором обвинения были отклонены. Сейчас все обвинения против обращенных и пасторов/лидеров домашних церквей имеют политический характер и связаны с утверждениями об угрозе национальной безопасности или шпионаже, включая связи с иностранными органами и врагами Ирана, в том числе с сионистами...

1.6. Ситуация с обращенными лицами, которые возвращаются в Иран после обращения за границей, то есть в Европе/ западных странах

Мансур Борджи (*Mansour Borji*) пояснил, что 20 лет назад было возможно крещение обратившегося

в христианство в церкви в Иране. Со временем церкви, осуществлявшие крещение, заплатили цену, и в связи с постепенным давлением эта возможность сейчас исчезла. После 2006–2007 годов обращенные лица более не крестятся в церквях Ирана, поскольку никто не рискует проводить крещение. Обращенные в христианство начали ездить для крещения в Турцию и другие соседние страны. В ответ на вопрос, осуществляют ли крещение домашние церкви, источник сообщил, что некоторые церкви могут это делать. Что касается ситуации с обращенными, которые возвращаются в Иран после крещения за границей, будь то в Турции, Армении, ОАЭ или другой стране, источник указал, что они спокойно могут вернуться в Иран и не столкнуться с какими-либо проблемами. Если лицо уже находится под наблюдением властей, оно может столкнуться с последствиями после возвращения в Иран. Согласно данным AHS, трудно получать информацию о потенциальных угрозах, с которыми лицо может столкнуться по возвращении в Иран после обращения за границей. Если иранские информаторы собирают информацию относительно лица, которое вернулось в Иран, власти могут задержать их для допроса. Возможно, что после задержания и допроса последуют обвинения и осуждение. В подобном положении может оказаться большая группа лиц: студенты, политические активисты, члены семей политических деятелей, – могут быть допрошены, как и обращенные в христианство. Относительно того, ставит ли крещение за границей лицо под угрозу со стороны властей в Иране, AHS полагает, что важность крещения должна быть сопоставлена с тем, как власти Ирана воспринимают обращенного. Лицо, которое посещало тренинг и заседания за границей, может считаться обратившимся, даже если оно официально могло не быть крещеным. В ответ на вопрос о ситуации обращенного, который возвращается в Иран после обращения за границей, то есть в Европе или западной стране, Мансур Борджи отметил, что отсутствовала разница в том, как власти Ирана рассматривали дело. Если лицо известно властям, и они проявляют к нему интерес до выезда из страны, в случае возвращения для него может существовать угроза. Если лицо неизвестно властям, источник не считал, что для него существует огромная угроза. Источник сослался на дело семьи, которая вернулась в Иран, и по возвращении они подверглись угрозам и слежке/запугиванию. Считалось, что, возможно, родственники или другие лица могли сообщить о них властям, вызвав преследование. Наконец, семья вновь покинула Иран. Они начали скрытно посещать домашнюю церковь. По поводу последствий для лица возвращения в Иран после обращения за границей CSW сообщила, что любой обращенный, который хочет исповедовать свою веру по возвращении, подвергается серьезной угрозе. Крещено ли лицо в соседней стране, в Европе или США, не имеет значения. Если лицо возвращается в Иран и в действительности не продвигает христианство, остается фактом, что такое лицо покинуло “веру” (шиитский ислам) и потому угрожает порядку режима. В ответ на вопрос о последствиях возвращения в Иран после крещения за границей “Элам министр”¹ сообщила, что многие иранцы выезжают за границу и возвра-

щаются в Иран через какое-то время. Если власти в Иране узнают о факте крещения лица за границей, такому лицу могут угрожать допрос и последствия. Источник сообщил, что власти могут установить, что лицо крестилось, благодаря информаторам и перехвату телефонных/электронных сообщений. В ответ на вопрос о том, как лица, крещенные за границей, ведут христианскую жизнь по возвращении в Иран, высказано мнение о том, что иранские обращенные нуждаются в крещении по причине исламской основы. Ментально легче жить по-христиански после того, как крещение имело место. После крещения лицо часто демонстрирует большую перемену в поведении, которая заметна остальным. По собственному опыту иранский сетевой лидер сообщил, что после обращения в христианство он больше не использовал ругательства или не злился, как ранее, и это изменение в поведении заметили члены семьи и окружавшие его лица. Также после обращения в христианство лицо получает задачу распространять свою веру среди других. Евангелизм – это часть учения Библии, и в Евангелии от Матфея сказано, что следует идти и рассказывать людям об Иисусе. Обращенные хотят исполнять это, и именно тех, кто занимаются евангелизмом, власти хотят остановить. Считалось, что лица, которые возвращаются из западных стран после обращения, должны проявлять осторожность при проповедовании евангелизма. Ситуация лица, которое обратилось в Европе и затем возвращается в Иран, в основном та же, что и у иранцев, которые обратились в Иране. Данные лица должны скрываться и не говорить открыто о своем обращении. Если их обращение раскрыто и власти уведомлены, существует угроза того, что такое лицо будет заподозрено в связях с иностранными организациями, как и лицо, проживающее в Иране. Источник добавил, что те, кто проживает вне Ирана длительное время, могут подвергаться большей угрозе, поскольку власти могут заподозрить их в шпионаже. Также указывалось, что это относится не только к обращенным в христианство, но и к другим иранцам. В ответ на вопрос о положении лиц, обращенных в христианство, которые возвращаются в Иран после поездки в Турцию или другую страну и встреч с другими верующими, представители церкви единения² уведомили делегацию о том, что, если обращенные ведут себя “спокойно”, то есть не связываются с другими верующими, они могут не быть раскрыты, и поездки за границу могут не изменить положение. Источник не считал, что было бы меньше опасности для лица, которое возвращается в Иран после крещения в западной стране, если лицо отказывается от крещения и признает его частью стратегии переселения на Запад. Это применимо для их семей, но может не подходить для правительственных органов. Лица, обращенные в Иране, подвергаются арестам, пыткам и казням, они обычно не сообщают о своей религии или в заявлениях в школу. Согласно утверждениям представителей церкви единения, даже если это неизвестно властям, обращенные лица могут столкнуться с изоляцией

¹ Прозелитическая организация Ирана (примеч. переводчика).

² Под названием *Union Church*, употребленным в оригинале, могут скрываться разные организации, от униатов до общей церкви для представителей разных исповеданий, которые иногда встречаются в небольших населенных пунктах (примеч. переводчика).

и даже с «убийствами чести» со стороны родственников. Этническим христианским меньшинствам (армянам, ассирийцам) разрешено встречаться и совершать богослужения в строго регулируемых условиях. Источник сообщил, что мы слышали, что они также сталкиваются с трудностями, о части которых сообщается в средствах массовой информации».

58. В документе «Иран, Доклад страны происхождения» Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от 26 сентября 2013 г., в частности, указано:

«...19.01. “Доклад о преследованиях христиан в Иране” всепартийной парламентской группы “Христиане в парламенте”, опубликованный в октябре 2012 года, указывает: “Дореволюционный Иран считался благосклонным к религиозным меньшинствам, и Конституция Ирана содержит гарантии фундаментальных прав человека, включая свободу выражения мнения и защиты от пытки и произвольного ареста. Статья 23 Конституции Ирана устанавливает, что: “Выяснение убеждений лиц запрещено, и никто не может быть привлечен или призван к ответу только за то, что придерживается определенного убеждения”. Однако эти права подчиняются более общему принципу того, что шариатское право пользуется приоритетом в случае любой коллизии права, поэтому данные конституционные положения не прекратили широко распространенные допросы и наказания иранцев исключительно на основании их религиозных убеждений».

19.02. В том же докладе группы отмечается также, что Конституция Ирана предусматривает защиту свободу религии для христиан, евреев и зороастрийцев, и существует система регистрации немусульманских мест богослужения. Однако в действительности даже официально признанные церкви сталкиваются с серьезными ограничениями свободы богослужений...

Религиозная демография

19.09. Книга всемирных фактов Агентства криминальной разведки (CIA) с изменениями от 22 августа 2013 г., доступ от 11 сентября 2013, излагает следующую разбивку религиозных групп в Иране: мусульмане (официально) 98% (шииты 89%, сунниты 9%), другие (включая зороастрийцев, иудеев, христиан и бахаитов) 2%...

Проект закона об отступничестве

19.21. Доклад ICHRI¹ за 2013 год “Цена веры” (*The Cost of Faith*) отметил, что «согласно ожидаемому в настоящее время утверждению нового Уголовного кодекса Ирана отступничество остается некодифицированным. Однако кодекс включает положение, ссылающееся на статью 167 Конституции Ирана, которая прямо предлагает судьям использовать исламские правовые источники, если преступления или наказания не охватываются кодексом. Это оставляет дверь открытой для продолжения практики ссылки на правовую практику, которая рассматривает

отступничество как преступление, наказываемое смертной казнью...

Преследование отступников

19.23. По поводу преследования отступников веры в докладе Лэндинго² (*Landinfo Report*) 2011 года отмечалось: “На практике люди осуждаются за отступничество очень редко”. Однако в том же источнике сообщалось: “Обвинение обращенных в отступничество, по-видимому, учащается... Формальные обвинения в отступничестве обращенных лиц в Иране имеют место относительно редко, но угрозы таких обвинений выдвигаются в судебных разбирательствах в качестве средства оказания давления на обращенных для принуждения к заявлению о том, что они раскаиваются и хотят вернуться к исламу. Во многих случаях суд решал освободить обращенного без каких-либо обвинений или предъявить другие обвинения, такие как участие в незаконных домашних церквях или контактах с иностранными средствами массовой информации».

19.24. В докладе ICHRI за 2013 год “Цена веры” сообщалось, что: “Компания может документировать три дела христиан, обвиненных в отступничестве: Мехди Дибаджа, Юсефа Надерхани и Хусейна Судманда, – и одно дело, Хусейна Судманда, в котором христианин был казнен за состояние отступничества. Судманд, обращенный и пастор, был задержан в 1990 году. После двух месяцев в тюрьме, в течение которых он, по-видимому, отказался отречься от своей веры, Судманд был казнен через повешение. Известно, был ли суд. Надерхани, также обращенный и пастор, был задержан в 2009 году и впоследствии приговорен к смертной казни. Пересмотр дела, произведенный после жалобы, привлек международное внимание. После давления со стороны ООН, Европейского союза, международных правозащитных организаций и Ватикана он был оправдан по обвинению в отступничестве и приговорен вместо этого к трем годам лишения свободы по обвинениям, связанным с евангелизмом. Он был освобожден в 2012 году после отбытия наказания...”

Христиане

Данный раздел следует читать во взаимосвязи с разделами об отступничестве, преследовании отступников и мусульманах, обращенных в христианство.

19.31. В докладе Международной кампании за права человека в Иране (ICHRI) за 2013 год “Цена веры” указывалось, что “отсутствует определенная статистика о количестве христиан и обращенных в христианство, в частности, в Иране в связи с отсутствием достоверных опросов. В 2010 году исследовательская группа “Уорлд кристен дейтабейс” (*World Christian Database*, далее – WCD) сообщала о 270 057 христиан в Иране, что составляло примерно 0,36% от общего населения Ирана в 74,7 миллиона человек. В Иране имеются две основные категории христиан: этнические и неэтнические. Большинство составляют этнические

¹ Возможно, имеется в виду упоминаемая ниже «Международная кампания за права человека в Иране», антииранская организация, находящаяся в г. Нью-Йорке (примеч. переводчика).

² Центр по информации о странах происхождения, который, по его мнению, предоставляет точную, выверенную и актуальную информацию о странах происхождения иммигрантов и искателей убежища для органов иммиграции и интеграции Норвегии (примеч. переводчика).

христиане, армяне и ассирийцы (или халдеи), обладающие собственными языковыми и культурными традициями. Большинство этнических христиан являются членами своей общинной православной церкви. Неэтнические христиане по большей части являются членами протестантских церквей и в большинстве случаев, если не всегда, являются обращенными из мусульманскими лицами. WCD в 2010 году сообщала примерно о 66 700 протестантских христиан в Иране, что составляло примерно 25% из иранской христианской общины. Правительство Ирана не признает обращенных христианами, и многие обращенные не объявляют о своей вере публично из-за страха преследования. Таким образом, количество обращенных лиц в Иране, по-видимому, недооценивается. Несколько христианских организаций Ирана сообщили компании, что количество обращенных в христианство может достигать 500 000 человек, но данные подсчеты не могут быть независимо подтверждены...

Мусульмане, обращенные в христианство

...19.53. В докладе CSW ("Крисчен солидарити уорлдайд") от июня 2012 г. указывается:

"Имеется заметное увеличение случаев запугивания, арестов, судов и лишения свободы лиц, обращенных в христианство с начала 2012 года в различных городах Ирана, с особой строгостью по отношению к лицам и группам в городах Тегеране, Керманшахе, Исфахане и Ширазе. Хотя некоторые из этих заключенных были освобождены после требования о подписании документов, препятствующих посещению собраний христиан, многие оставались под стражей, включая женщин и пожилых людей. Имело место особое увеличение количества арестов в феврале 2012 года, которое продолжалось в марте. Вновь требовались чрезмерные залоговые платежи в обеспечение временного освобождения задержанных христиан. Новая волна репрессий затронула как движение домашних церквей, так и одобренные конфессии, последние в продолжение событий, имевших место в конце 2011 года, когда правительство разгромило церковь, принадлежащую к подвергнутому санкциям движению Ассамблей Бога¹ (AOG) в Ахвазе (*Ahwaz*), заключив под стражу всех прихожан, включая учеников воскресной школы. В то время как прямые нападки на санкционированные церкви были редки в 2011 году, в 2012 году состоялись аресты лидеров англиканских церквей святого Павла и святого Петра в третьем по величине городе Ирана Исфахане (*Esfahan*). В мае [2012 года] сообщалось, что глава церкви святого Павла пастор Хекмат Салими (*Hekmat Salimi*) был временно освобожден под залог примерно в 40 000 долларов. См. доклад CSW для дополнительной информации.

19.54. 8 сентября 2012 г. "Гардиан" сообщила об освобождении из тюрьмы христианского пастора Юсефа Надерхани, но также отметила, что "в апреле [2012 года] другой пастор, Фаршид Фатхи (*Farshid Fathi*), 33 лет, стал последней жертвой государственного преследования обращенных в христианство лиц, будучи приговорен к шести годам лишения свободы Революционным судом,

как сообщает Агентство христианских новостей Ирана". Доклад USCIRF 2013 года отметил, что "часть данных, представленных в судебном разбирательстве, состояла в том, что Фатхи хранил и незаконно распространял Библии и христианскую литературу на языке фарси. Он провел несколько месяцев в одиночном заключении и остается в тюрьме".

19.55. Объединенный доклад миссии по установлению фактов Иммиграционной службы Дании, норвежской "Лэндинфо" и Совета беженцев Дании в г. Тегеране, Иран, городах Анкаре и Лондоне, Соединенное Королевство, "Об обращении в христианство, проблемы курдов и протестующих после выборов 2009 года, а также правовые проблемы и процедуры выхода" (*On Conversion to Christianity, Issues concerning Kurds and Post-2009 Election Protestors as well as Legal Issues and Exit Procedures*), 9–20 ноября 2012 г. и 8–9 января 2013 г., опубликован в феврале 2013 года [Датский доклад об установлении фактов 2013 года], сообщал об угрозе преследования обращенных в христианство лиц. Большинство использованных источников пожелали остаться анонимными. В докладе содержались следующие данные:

"Международная организация в г. Анкаре сообщила, что власти воспринимают евангелические сети как разновидность разведывательной сети и склонны преследовать евангелическую и прозелитскую деятельность. Власти не преследуют индивидуальных обращенных, но, если это перерастает в более организованную деятельность, это другой вопрос. Дополнительно сообщалось, что власти, например, не отключают телевизионные спутниковые каналы, которые транслируют христианское телевидение. Согласно источнику власти не преследуют членов домашней церкви, а охотятся за "крупной рыбой", то есть за теми, кто занимается организацией и прозелитизмом, поскольку они считаются угрозой обществу. Евангелисты, распространяющие христианскую информацию, рискуют больше, чем остальные, и согласно источнику наибольшие усилия прилагаются для охоты на евангелистов, то есть на пасторов. В ответ на вопрос, что могло повлечь преследование обратившегося в христианство, западное посольство подчеркнуло, что участие в евангелистской деятельности или активное проявление христианской идентичности лица в публичной сфере грозит отрицательным влиянием властей и созданием проблем. Ношение креста само по себе не создаст проблем. Однако дополнительно сообщалось, что угроза человеку могла также зависеть от того, что делало лицо в прошлом, например, фиксировалась ли предыдущая деятельность властями...

19.58. 16 июня 2013 г. "Мохабат" сообщал, что:

"Согласно информации "Мохабат ньюс" (*Mohabat News*) Революционный суд в Ширазе вынес приговоры Моджабей Сейид-Алаэдину Хусейну (*Mojtaba Seyyed-Alaedin Hossein*), Мохаммед-Реза Партоэю (Курош) (*Mohammad-Reza Partoei ("Koorosh")*), Вахид Хаккани (*Vahid Hakkani*) и Хомаюн Шокоухи (*Homayoun Shokouhi*), их адвокату. Все четыре христианина были признаны виновными в посещении домашней церкви, распространении христианства, связях с иностранным духовенством, пропаганде против режима и подрыве

¹ Возможно, имеется в виду пятидесятническая церковь (примеч. переводчика).

национальной безопасности. Каждый был приговорен к трем годам и восьми месяцам лишения свободы...».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

A. ВЛАСТИ ШВЕЦИИ

59. На слушании 3 декабря 2014 г. власти Швеции подчеркнули, что интересам разбирательства отвечало бы вынесение постановления Европейским Судом до 8 июня 2015 г., поскольку в этот день утратит силу приказ о высылке заявителя в соответствии со статьей 22 главы 12 Закона Швеции «Об иностранцах».

60. В своих дополнительных объяснениях от 23 июня 2015 г. власти Швеции просили Большую Палату Европейского Суда прекратить производство по делу в соответствии, например, с Постановлением по делу «P.Z. и другие против Швеции» (P.Z. and Others v. Sweden) (прекращение производства) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 68194/10, §§ 14–17).

61. Они подчеркивали, что приказ о высылке утратил силу, что заявитель не может быть выслан из Швеции на основании этого приказа и что будет обеспечено полное рассмотрение дела по существу при подаче нового обращения о предоставлении убежища. Таким образом, с учетом подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции власти Швеции полагали, что продолжение рассмотрения жалобы является неоправданным и отсутствуют какие-либо особые обстоятельства в отношении уважения прав человека, установленных Конвенцией или Протоколами к ней, которые могли бы потребовать дальнейшего рассмотрения дела (пункт 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*).

62. Если Большая Палата Европейского Суда не прекратит производство по делу, власти Швеции полагали, что оно должно быть признано неприемлемым для рассмотрения по существу, поскольку заявитель не может утверждать, что является жертвой в значении статьи 34 Конвенции приказа о высылке, который утратил силу. Отсюда следует, что жалоба в отношении него несовместима с положениями Конвенции *ratione personae*¹ в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

63. В любом случае, поскольку заявитель может подать новое ходатайство о предоставлении убежища, которое будет рассмотрено по существу всеми

компетентными органами, он не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. В качестве альтернативы власти Швеции считали, что жалоба должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

B. ЗАЯВИТЕЛЬ

64. Заявитель сообщил, что хочет настаивать на своей жалобе, и просил Европейский Суд рассмотреть дело по существу. Если Европейский Суд прекратит рассмотрение его дела, ему понадобится заново обращаться по поводу предоставления убежища. В этом деле он намеревался сослаться на свое обращение в христианство в качестве одного из оснований предоставления убежища.

65. По мнению заявителя, «вопрос» в Большой Палате Европейского Суда не может рассматриваться как разрешенный для целей подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции в связи с истечением 8 июня 2015 г. срока действия приказа о высылке заявителя. Он подчеркнул, что власти Швеции не предоставили ему убежище или вид на жительство в Швеции в отличие, например, от заявителей в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции» (M.E. v. Sweden) ((прекращение производства) от 8 апреля 2015 г., жалоба № 71398/12) и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «W.H. против Швеции» (W.H. v. Sweden) ((прекращение производства) от 8 апреля 2015 г., жалоба № 49341/10²). Таким образом, нельзя заключить, что высылка ему больше не угрожает.

66. Также нельзя заключить, что дальнейшее рассмотрение жалобы не является оправданным для целей подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

67. В любом случае дело затрагивает серьезные вопросы фундаментальной важности, поэтому соблюдение права человека требует, чтобы Большая Палата Европейского Суда продолжала рассмотрение дела.

68. Заявитель подчеркнул, что в делах, касающихся прекращения производства, в частности, «Атаева и Бурман против Швеции» (Atayeva and Burman v. Sweden) ((прекращение производства), жалоба № 17471/11, Постановление от 31 октября 2013 г.), «P.Z. и другие против Швеции» (упоминавшееся выше), и «B.Z. против Швеции» (B.Z. v. Sweden) ((прекращение производства), жалоба № 74352/11, Постановление от 18 декабря 2012 г.) на основании подпункта «с» пункта 1

¹ *Ratione personae* (лат.) – ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь, критерий, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (примеч. переводчика).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (примеч. редактора).

статьи 37 Конвенции Европейский Суд не выносил постановления на уровне Палаты.

69. Однако в настоящем деле Палата Европейского Суда вынесла Постановление, дело было передано в Большую Палату, и было проведено слушание. На всех этих стадиях власти Швеции решительно отвергали претензии заявителя, и Палата Европейского Суда отклонила их. Следовательно, прекращение производства по делу причинило бы заявителю значительный ущерб.

70. Кроме того, заявитель жаловался на то, что разбирательство о предоставлении убежища имело недостатки. Если Большая Палата не рассмотрит эти предполагаемые недостатки, существует значительный риск того, что предыдущие решения, включая Постановление Палаты Европейского Суда, будут некритически восприняты внутригосударственными властями и судами как не имеющие дефектов. В любом случае это создаст для заявителя существенное неудобство в связи с необходимостью повторной подачи ходатайства о предоставлении убежища на фоне целого ряда потенциально ошибочных решений относительно рисков, с которыми он столкнется при возвращении в Иран. По мнению заявителя, неоправданно подвергать его такой процедуре, если Большая Палата Европейского Суда имеет возможность выносить решения об этих предполагаемых недостатках сейчас и близка к разрешению дела.

71. Наконец, заявитель подчеркнул, что стороны по делу, включая третьи стороны, испытали существенное беспокойство в связи с подготовкой и предоставлением подробных объяснений по делу, и Большая Палата Европейского Суда приложила определенные усилия и понесла расходы из-за проведения слушания по делу. Эти расходы и усилия будут напрасными, если производство по делу будет прекращено, что было бы неоправданно.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

72. Пункт 1 статьи 37 Конвенции предусматривает:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

а) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

б) спор был урегулирован; или

с) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней».

73. Европейский Суд отмечает, что согласно его последовательной прецедентной практике в делах по поводу высылки заявителя из государства-ответчика, если заявителю предоставлен вид на жительство, и отсутствует угроза его высылки из этого государства, Европейский Суд считает дело урегулированным в значении подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции и исключает его из списка дел, подлежащих рассмотрению, независимо от согласия заявителя (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции», § 32, Решение Европейского Суда от 17 февраля 2015 г. по делу «Н против Норвегии» (N v. Norway), жалоба № 51666/13, Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов» (I.A. v. Netherlands) от 27 мая 2014 г., жалоба № 76660/12, Постановление Европейского Суда по делу «O.G.O. против Соединенного Королевства» (O.G.O. v. United Kingdom) от 18 февраля 2014 г., жалоба № 13950/12, Решение Европейского Суда по делу «Исман против Швейцарии» (Isman v. Switzerland) от 21 января 2014 г., жалоба № 23604/11, Решение Европейского Суда по делу «М.А. против Швеции» (M.A. v. Sweden) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 28361/12, Решение Европейского Суда по делу «A.G. против Швеции» (A.G. v. Sweden) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 22107/08, и Решение Европейского Суда по делу «Сарвари против Австрии» (Sarwari v. Austria) от 3 ноября 2011 г., жалоба № 21662/10). Причина этого заключается в том, что Европейский Суд последовательно подходит к данному вопросу как к потенциальному нарушению, полагая, что угроза нарушения устраняется за счет решения, дающего заявителю право на пребывание в указанном государстве-ответчике (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции», § 33).

74. Кроме того, в некоторых делах, в которых заявителю не был предоставлен вид на жительство, Европейский Суд полагал, что более не является оправданным продолжение рассмотрения дела в силу подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции, и прекращал производство, поскольку из предоставленной информации было ясно, что заявитель в данный момент и на определенный срок не подвергался угрозе высылки и обращения, предположительно нарушающего статью 3 Конвенции, и поскольку заявитель мог оспорить будущее выдворение во внутригосударственных органах (см., в частности, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «P.Z. и другие против Швеции», §§ 14–17, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «B.Z. против Швеции», §§ 17–20, и *mutatis mutandis* в соответствии со статьей 8 Конвенции упоминав-

шее выше Постановление Европейского Суда по делу «Атаева и Бурман против Швеции», §§ 19–24).

75. Во всех вышеупомянутых делах Европейский Суд не усмотрел особых обстоятельств, имеющих отношение к соблюдению прав человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требуют продолжения рассмотрения этой жалобы (пункт 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*).

76. Однако в делах, упомянутых в § 74 настоящего Постановления, где угроза высылки отпала до решения о приемлемости жалобы, Европейский Суд иногда признавал последнюю неприемлемой, поскольку заявитель более не мог утверждать, что является жертвой в значении статьи 34 Конвенции (см., в частности, Решение Европейского Суда по делу «Ацаев против Чешской Республики» (*Atsae v. Czech Republic*) от 7 июля 2015 г., жалоба № 14021/10, Решение Европейского Суда по делу «Тухтамуродов против Российской Федерации» (*Tukhtamurodov v. Russia*) от 20 января 2015 г., жалоба № 21762/14, Решение Европейского Суда по делу «Андреев против Эстонии» (*Andreyev v. Estonia*) от 22 января 2013 г., жалоба № 42987/09, Решение Европейского Суда по делу «Этанжи против Франции» (*Etanji v. France*) от 1 марта 2005 г., жалоба № 60411/00, Решение Европейского Суда по делу «Пеллумби против Франции» (*Pellumbi v. France*) от 18 января 2005 г., жалоба № 65730/01, и Постановление Европейского Суда от 27 августа 1992 г. по делу «Виджаянатахан и Пуспарадж против Франции» (*Vijayanathan and Pusparajah v. France*), § 46, Series A, № 241-B). Понятие «жертва» в контексте статьи 34 Конвенции действительно обозначает лицо, непосредственно затронутое указанным действием или бездействием или которое может быть прямо ими затронуто.

77. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что в соответствии со статьей 22 главы 12 Закона «Об иностранцах» приказ о высылке, вступивший в законную силу 8 июня 2011 г., когда Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование (см. § 31 настоящего Постановления), утратил силу через четыре года, то есть 8 июня 2015 г. Таким образом, срок действия приказа о высылке истек, и он не мог быть приведен в исполнение.

78. Не оспаривается, что заявитель мог возбудить новое и полное разбирательство о предоставлении убежища. Если бы он сделал это, его требования были бы рассмотрены по существу Миграционным органом и в случае обжалования судами. Заявитель указал (см. § 64 настоящего Постановления), что, если Европейский Суд прекратит рассмотрение дела, он подаст новое обращение о предоставлении убежища и сошлется на свое обращение в христианство как на одно из оснований.

79. Однако в настоящее время заявитель находится в затруднительном положении. Ему не

предоставлены убежище или вид на жительство в Швеции, и в период нового разбирательства по поводу предоставления убежища он неизбежно будет оставаться в неопределенном положении, что касается вопросов, упоминавшихся в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в настоящей жалобе. Следовательно, Европейский Суд не считает, что заявитель полностью утратил свой статус жертвы. Тем не менее в соответствии с прецедентной практикой, упоминавшейся выше в § 74 настоящего Постановления, Европейский Суд отмечает, что в принципе продолжение рассмотрения жалобы может быть неоправданным (подпункт «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции).

80. Остается установить, имеются ли в настоящем деле особые обстоятельства, имеющие отношение к соблюдению прав человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требуют продолжения рассмотрения этой жалобы (пункт 1 статьи 37 Конвенции, последняя часть).

81. Следует учесть, что 2 июня 2014 г. дело было передано в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции, которая предусматривает, что дела могут быть переданы, если они затрагивают «серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера».

82. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле затронуты важные вопросы относительно обязанностей, которые должны соблюдаться сторонами в разбирательстве по поводу предоставления убежища. Таким образом, влияние настоящего дела не выходит за пределы конкретной ситуации заявителя в отличие от большинства дел о высылке, разрешенных Палатой Европейского Суда.

83. Следовательно, в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Конвенции (*in fine*) Европейский Суд приходит к выводу, что имеются особые обстоятельства, имеющие отношение к соблюдению прав человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требуют продолжения рассмотрения дела.

84. На основании изложенного Европейский Суд отклоняет требование властей Швеции о прекращении производства по делу.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался на то, что в связи с его политическим прошлым в Иране и его обращением из ислама в христианство в Швеции его высылка в Иран противоречила бы статьям 2 и 3 Конвенции. Упомянутые положения Конвенции предусматривают следующее:

«Статья 2 Конвенции

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен

жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

86. В Постановлении от 16 января 2014 г. Палата Европейского Суда указала, что исполнение решения о высылке заявителя не нарушило бы статьи 2 или 3 Конвенции. Она рассмотрела два положения совместно и дала общую оценку угроз, связанных с политическим прошлым заявителя и его обращением в христианство.

87. Палата Европейского Суда отметила, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было тщательно рассмотрено внутригосударственными органами и отсутствовали указания на то, что это разбирательство не имело эффективных гарантий для защиты заявителя против произвольного выдворения, или имелись другие недостатки.

88. Что касается предполагаемой политической деятельности заявителя в Иране, Европейский Суд установил, что отсутствует информация, указывающая, что политическая деятельность и вовлеченность заявителя являлись более чем второстепенными. Он также согласился с оценкой органов государства-ответчика о том, что объяснения заявителя по поводу его политической деятельности были неясными и неконкретными и что в Палате Европейского Суда заявитель не предоставил подробного описания веб-страниц, на которые он ссылался, или их предполагаемого критического содержания. Заявитель не предоставил никаких доказательств, помимо собственных объяснений, для обоснования существования этих веб-страниц. Он также отметил, что заявитель признал, что его семья в Иране не преследовалась из-за его политической деятельности. Наконец, он отметил, что заявитель не утверждал, что продолжал свою политическую деятельность после прибытия в Швецию.

89. Что касается обращения заявителя, Палата Европейского Суда отметила, что он ясно указал во

внутригосударственных органах, что не хочет ссылаться на свою религиозную принадлежность как на основание предоставления убежища, поскольку считал это личным делом. В частности, он имел возможность затронуть вопрос своего обращения во время устного слушания в Миграционном суде, но предпочел этого не делать. Данная позиция изменилась, только когда приказ о его высылке вступил в силу. Палата Европейского Суда также отметила, что заявитель утверждал, что он обратился в христианство только после прибытия в Швецию и что он считал веру личным делом. С учетом вышеизложенного Палата Европейского Суда решила, что отсутствовали данные о том, что власти Ирана знали о его обращении.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

90. Заявитель утверждал, что исполнение приказа о его высылке нарушило бы статьи 2 и 3 Конвенции по нижеследующим причинам.

91. Что касается его политической деятельности в Иране, надлежащим образом не было принято во внимание, например, что он подвергался жестокому обращению в течение 20 дней его содержания под стражей в сентябре 2009 года, что он подробно описал слушание, состоявшееся в октябре 2009 года в Революционном суде, и назвал имя председательствующего судьи, что он представил оригинальную повестку о повторной явке 2 ноября 2009 г. или что он незаконно бежал из страны.

92. Заявитель указал, что подвергался высокой угрозе задержания в аэропорту по возвращении. Эта угроза повысилась, потому что власти Ирана могли опознать его благодаря постановлению Палаты Европейского Суда и в будущем использовали бы для этой цели также постановление Большой Палаты Европейского Суда.

93. Заявитель не собирался ссылаться на свое обращение в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища, поскольку он считал свою религию частным делом и «не хотел эксплуатировать свою ценную вновь приобретенную веру как средство приобретения убежища». Оглядываясь назад, он полагал, что в то время не имел достаточной юридической консультации и поддержки для понимания угрозы, связанной с его обращением. Тем не менее с формальной точки зрения его обращение неоднократно упоминалось его представителями как основание предоставления убежища в первоначальном разбирательстве. Заявитель охотно отвечал на вопросы по поводу его обращения, но миграционная служба решила, что он не внушает доверия в этом отношении, по-видимому, поскольку он не принадлежит к «Церкви Швеции» и представил не свой сертификат о крещении, а только заявление пастора его церкви. Кроме того, во время

устного слушания в Миграционном суде заявитель утверждал, что его обращение создаст ему проблемы в случае возвращения в Иран.

94. Кроме того, 6 июля 2011 г., когда заявитель обратился за приостановлением исполнения приказа о высылке, он приложил письмо, в котором его конгрегация объясняла, почему он не хотел эксплуатировать свое обращение в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища. Конгрегация также указала, что угроза заявителю возрастала, поскольку он вступил в контакт с «докладчиками или шпионами», которые могут передать информацию о его обращении властям Ирана, и так как церковь, к которой заявитель принадлежал с 2011 года, транслировала свои службы в Интернете (см. §§ 30 и 32 настоящего Постановления).

95. В Большой Палате Европейского Суда заявитель добавил, что угроза дополнительно увеличивалась в связи с его конкретной работой для церкви. Он также утверждал, что по возвращении в Иран он сообщит своей семье и друзьям о своем обращении. Они могли бы не понять или не принять это. Они отрекутся от него. Однако заявитель не верил, что его семья или друзья сообщат о его обращении властям, поскольку любят его.

96. В письменном объяснении от 13 сентября 2014 г. Большой Палате Европейского Суда заявитель рассказал о своем обращении, способе текущего исповедания его христианской веры в Швеции, и как он намерен исповедовать ее в Иране, если приказ о высылке будет исполнен. По его мнению, его обращение достигло уровня последовательности, серьезности, связанности и важности, чтобы его можно было отнести к сфере действия статьи 9 Конвенции. Он являлся номинальным мусульманином в Иране, но не верил в ислам. Его друзья в то время знали об этом. По прибытии в Швецию, в один холодный вечер, он и некоторые его друзья посетили собрание, где пили чай и согрелись. Так он вступил в контакт со своей первой христианской конгрегацией. Он отправился домой, получил Библию на фарси и, когда начал читать ее, почувствовал, что «она идет прямо в его сердце». Он продолжал посещать библейские классы и молитвенные собрания и был крещен в январе 2010 года. Действительно, в марте 2010 года он сообщил миграционной службе, что не думал о христианстве как о религии, но это объяснялось его способом определения религии как веры, наподобие ислама, который требовал посредника, в отличие от христианства, где контакт с Богом был непосредственным. Он перешел в другую церковь, где продолжал посещать библейские классы и молитвенные собрания. При возвращении в Иран он ощущал бы внутреннюю потребность демонстрировать любовь к Иисусу и Библии открыто. Дома в идеале он имел бы книги по христианству и крест и, возможно, участвовал бы в деятельности домаш-

них церквей с другими христианами. Он также пытался бы распространять христианскую литературу на фарси, в частности, в Интернете.

97. Объяснение заявителя подкреплялось письменным заявлением от 15 сентября 2014 г., представленным в Большую Палату Европейского Суда, от бывшего пастора церкви заявителя, который, в частности, указывал, что знает заявителя с начала 2012 года, что заявитель был интеллектуалом в своей христианской вере, хорошо говорил по-английски, что они вели хорошие обсуждения по поводу религии и что, пробыв христианином четыре года, заявитель приобрел навыки и зрелость, чтобы руководить группой на уроках по изучению Библии в его церкви.

98. Наконец, заявитель утверждал, что разбирательство по поводу предоставления убежища было омрачено в основном тем, что власти Швеции адекватно не рассмотрели угрозы, с которыми он столкнется в результате его обращения.

99. В частности, он утверждал, что в первоначальном разбирательстве власти не могли игнорировать связанные с его обращением угрозы, о которых они были осведомлены, со ссылкой на тот факт, что он на это не ссылался. Во-первых, потому что лицо не может отказаться от защиты, предоставленной ему статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 31 января 2012 г. по делу «M.S. против Бельгии» (M.S. v. Belgium), жалоба № 50012/08, §§ 121–125), и, во-вторых, поскольку, что даже если бы защита статьи 3 Конвенции в принципе допускала отказ, заявитель не получал какое-либо предупреждение о потенциальных последствиях в случае, если он предпочтет не ссылаться на свои религиозные убеждения как на основание предоставления убежища. Власти никогда не рассматривали вопрос о том, имел ли место отказ в настоящем деле или, если да, в чем конкретно заключался отказ.

100. Что касается второго разбирательства, в котором заявитель активно пытался сослаться на свое обращение, его запрос был отклонен, поскольку его обращение не было расценено как «новое обстоятельство». Однако власти не рассматривали вопрос о том, была ли у заявителя уважительная причина для того, чтобы не ссылаться на свое обращение ранее. Они также не смогли уделить внимание тому факту, что заявитель сослался на новое обстоятельство его перехода в новую церковь в новом городе и трансляцию служб в Интернете, где его могли узнать.

2. Власти Швеции

101. Власти Швеции утверждали, что исполнение приказа о высылке не нарушило бы статьи 2 и 3 Конвенции по нижеследующим причинам.

102. Политическая деятельность, в которой заявитель участвовал в Иране, могла считаться имев-

шей место на низком уровне. Это подкреплялось тем фактом, что с 2009 года заявитель не получал новых повесток из Революционного суда и никто из членов семьи заявителя, оставшихся в Иране, согласно его собственной информации, не подвергся репрессиям со стороны властей Ирана.

103. Кроме того, в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища заявитель особо указал, что он не намерен ссылаться на свое обращение как на основание предоставления убежища, поскольку считает это личным делом. Его ходатайство о предоставлении убежища по политическим причинам было окончательно отклонено 8 июня 2011 г., когда Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование. Только 6 июля 2011 г. заявитель сослался на страх преследования в связи с его обращением, хотя он был обращен в христианство в декабре 2009 года и несмотря на обширные контакты с другими иранскими обращенными и его шведской конгрегацией, через которые он должен был сознавать подход иранского государства к обращенным. Заявитель не объяснил, почему его страх преследования возник только после того, как решение о высылке стало окончательным и не подлежащим обжалованию, и, по мнению властей Швеции, это оправдывало особое внимание к достоверности его версии в этом отношении. В возобновленном разбирательстве обращение заявителя не являлось новым обстоятельством, на которое нельзя было сослаться ранее, заявитель также не имел уважительной причины для того, чтобы не сделать это, как требуют условия, изложенные в статьях 18 и 19 главы 12 Закона «Об иностранцах», для пересмотра дела.

104. Что касается процедуры, применяемой в делах о предоставлении убежища, власти Швеции указали, что в целом шведские органы следовали руководству УВКБ и рекомендациям УВКБ о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии, и дали индивидуальную оценку того, убедительно ли иностранец продемонстрировал, что его убеждения *sur place* были искренними в том смысле, что они основаны на искренних личных религиозных убеждениях. Это включало оценку обстоятельств, при которых имело место обращение, и того, можно ли было ожидать от заявителя жизни христианина по возвращении на родину. Кроме того, 12 ноября 2012 г. генеральный директор по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции издал «общую правовую позицию» относительно религии как основания для предоставления убежища, включая обращение, основанное на решении Миграционного апелляционного суда (MIG 2011: 29), рекомендациях УВКБ и упоминавшемся выше решении Суда Европейского союза по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» от 5 сентября 2012 г. Согласно правовой позиции

достоверность обращения должна быть тщательно проверена для определения того, имело ли место искреннее обращение. Лицо, пережившее искреннюю перемену веры или которому грозит атрибуция нового религиозного убеждения и которому поэтому грозит преследование, не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования. Кроме того, 10 июня 2013 г. генеральный директор по правовым вопросам принял «общую правовую позицию» относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите, которая была основана, в частности, на оценке УВКБ в его докладе «Вне сомнений: оценка достоверности в системах убежища ЕС» от мая 2013 года.

105. Однако в настоящем деле заявитель не хотел ссылаться на свое обращение в оригинальном разбирательстве по поводу предоставления убежища. Тем не менее заслуживает внимания, что он почти 50 лет был мусульманином в Иране и обратился в христианство *sur place* вскоре после прибытия в Швецию. Вопрос достоверности, таким образом, требовал особого внимания. Как и Миграционный суд, и миграционная служба в разбирательстве в Миграционном суде, власти Швеции не оспаривали того, что заявитель формально обратился в христианство в Швеции или был крещен 31 января 2010 г., но они подчеркнули, что, поскольку заявитель особо указывал, что считает свое обращение личным делом, на которое не хочет сослаться как на основание предоставления убежища, внутригосударственные органы не рассматривали искренность его обращения или того, какие виды религиозных практик он считал существенными для сохранения своей религиозной идентичности.

106. Что касается общего риска для обращенных лиц в Иране, власти Швеции указали на различные международные доклады и утверждали, что обратившийся в христианство может жить в Иране и практиковать свою религию в частной сфере или совместно с другими лицами, придерживающимися тех же религиозных убеждений. Заявитель последовательно утверждал, что его вера являлась личным делом, и действовал соответственно. Кроме того, в интервью миграционной службе в марте 2010 года он указывал, что не рассматривал христианство как религию. С учетом этого власти Швеции находили неразумным полагать, что после его возвращения в Иран заявитель будет заниматься религиозной практикой, которая подвергнет его реальной угрозе преследования.

3. Объяснения третьих сторон

107. Европейский центр за право и справедливость, Альянс по защите свободы при содействии Юбилейной кампании, центра «Эй-Ай-Ар-И», ECRE, Международной комиссии юристов, и УВКБ,

в частности, утверждали, что обращенные в христианство лица являлись одними из наиболее преследуемых религиозных меньшинств в Иране. Исламский режим создал систематические механизмы в попытке выявить всех членов общества, перешедших из ислама в христианство. Данные механизмы сделали все более вероятным установление правительством лиц, обратившихся в христианство в Иране, даже в случае тайной практики. Если это стало бы известно Правительству Ирана, обращенные в христианство лица часто могли бы сталкиваться как минимум с причинением существенного вреда или вмешательству в их жизнь путем лишения свободы, нападений и постоянного запугивания, а в худшем случае человек может столкнуться с серьезным жестоким обращением и даже быть убит.

108. Третьи стороны также утверждали, что в контексте оценки угроз при выдворении в соответствии с последовательной прецедентной практикой Европейского Суда требуется полная и *ex nunc*¹ оценка. Пренебрежение тем фактом, что со временем обстоятельства могли измениться, делает права заявителя теоретическими и иллюзорными. Оценка должна принимать во внимание применимое право Европейского союза и право беженцев. Поэтому они призывали Европейский Суд признать, что в свете решения СЈЕU по упомянутому выше делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» от 5 сентября 2012 г. от заявителя нельзя было ожидать, что он скроет свою религию во избежание преследования, охватываемого статьей 3 Конвенции. Принудительное самоисполнимое сокрытие религиозных убеждений лица как прямое предсказуемое следствие исполнения выдворения лиц в страны, где они столкнутся с реальной угрозой смертного приговора в качестве отступников, влечет реальный риск психических, психологических страданий, относящихся к сфере действия статьи 3 Конвенции. Кроме того, согласно праву беженцев требование самоисполнимого принудительного подавления фундаментального аспекта личности, такого как религиозные убеждения, сексуальная ориентация или политическое мнение, несовместимо с основными положениями Конвенции о статусе беженцев.

109. В отношении процессуального аспекта УВКБ подчеркнуло, что обязательства в соответствии с Конвенцией 1951 года требуют от государственного органа установить все относимые факты, чтобы выявить и признать беженцев, которые имеют право на защиту в соответствии с Конвенцией. Соответственно, определение того, имел ли заявитель обоснованное опасение преследования или столкнулся ли он с угрозой другого серьезного вреда, основано на фактах, которые существенны для ходатайства о предоставлении убежища,

включая, например, факты, которые представил заявитель, но просил не учитывать в связи с их частным характером или с тем, что заявитель находил их не относящимися к делу. В конце концов проверяющее лицо должно решить, какие факты имеют значение и существенны для общей оценки. Что касается бремени доказывания, оно обычно возлагается на того, кто утверждает. Однако с учетом особенностей ситуации беженца и его уязвимости они могли быть способны представить относимую информацию. Соответственно, имелась общая обязанность заявителя и проверяющего лица установить и оценить все имеющие значение факты. Исполняя эту общую обязанность, проверяющие лица в некоторых случаях могли нуждаться в использовании всех имеющихся в их распоряжении средств для сбора необходимых доказательств в поддержку жалобы.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Введение

110. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в контексте высылки, если имеются достаточные основания полагать, что данное лицо в случае высылки столкнется с реальной угрозой смертной казни, пытки или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в стране назначения, статьи 2 и 3 Конвенции предполагают, что государство-участник не должно высылать это лицо. Таким образом, Европейский Суд рассмотрит две статьи Конвенции совместно (см. в числе прочих примеров *mutatis mutandis* Постановление Большой Палаты по делу «Мокану и другие против Румынии» (Mocanu and Others v. Romania), жалобы №№ 10865/09, 45886/07 и 32431/08, § 314, ECHR 2014 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Т.А. против Швеции» (T.A. v. Sweden) от 19 декабря 2013 г., жалоба № 48866/10, § 37, Постановление Европейского Суда по делу «К.А.В. против Швеции» (K.A.B. v. Sweden) от 5 сентября 2013 г., жалоба № 886/11, § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Кабулов против Украины» (Kaboulov v. Ukraine) от 19 ноября 2009 г., жалоба № 41015/04, § 99, и Постановление Европейского Суда по делу «Ф.Н. против Швеции» (F.N. v. Sweden) от 20 января 2009 г., жалоба № 32621/06, § 72).

2. Общие принципы оценки ходатайств о предоставлении убежища в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции

(а) Угроза оценки

111. Европейский Суд прежде всего напоминает, что государства-участники имеют право в соответствии с международным правом и при

¹ *Ex nunc* (лат.) – в настоящее время (примеч. переводчика).

условии соблюдения их договорных обязательств, включая Конвенцию, контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев (см. например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*), жалоба № 27765/09, § 113, *ECtHR* 2012, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. Netherlands*), жалоба № 46410/99, § 54, *ECtHR* 2006-XII, Постановление Европейского Суда от 28 мая 1985 г. по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom*), § 67, Series A, № 94, и Постановление Европейского Суда по делу «Буджлифа против Франции» (*Boujlifa v. France*) от 21 октября 1997 г., § 42, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI). Однако осуществление государством-участником высылки иностранца может повлечь возникновение вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции и, таким образом, обусловить ответственность указанного государства согласно Конвенции, если имеются существенные основания полагать, что лицо в случае депортации будет подвергаться в стране назначения реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. При таких обстоятельствах статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не депортировать заинтересованное лицо в данную страну (см. в числе других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*), жалоба № 37201/06, § 124–125, *ECtHR* 2008).

112. Оценка того, имеются ли серьезные опасения того, что заявитель будет подвергаться реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, неизбежно предусматривает рассмотрение Европейским Судом условий в принимающей стране с точки зрения стандартов статьи 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, § 67, *ECtHR* 2005-I). Эти стандарты подразумевают, что жестокое обращение, которому заявитель предположительно подвергнется в случае возвращения, должно достигать минимального уровня суровости, чтобы подпадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка данного уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств дел (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хилаль против Соединенного Королевства» (*Hilal v. United Kingdom*), жалоба № 45276/99, § 60, *ECtHR* 2001-II).

113. Оценка наличия реальной угрозы с необходимостью должна быть строгой (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., § 96, *Reports* 1996-V, и упоминавшееся выше Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии», § 128). В принципе заявитель обязан представить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии», § 129, и Постановление Европейского Суда по делу «N. против Финляндии» (*N. v. Finland*) от 26 июля 2005 г., жалоба № 38885/02, § 167). В этой связи Европейский Суд признает, что из-за особой ситуации, в которой часто оказываются искатели убежища, необходимо предоставить им преимущество сомнения, когда дело доходит до оценки достоверности их объяснений и документов, представленных в их поддержку. Однако если предоставлена информация, дающая серьезные основания ставить под сомнение правдивость объяснений искателя убежища, лицо должно представить удовлетворительное объяснение предполагаемых противоречий (см. в числе многих примеров Постановление Европейского Суда по делу «N. против Швеции» (*N. v. Sweden*) от 20 июля 2010 г., жалоба № 23505/09, Решение Европейского Суда по делу «Хакизимана против Швеции» (*Hakizimana v. Sweden*) от 27 марта 2008 г., жалоба № 37913/05, и Решение Европейского Суда по делу «Коллинс и Аказиебие против Швеции» (*Collins and Akaziebie v. Sweden*) от 8 марта 2007 г., жалоба № 23944/05).

114. Оценка должна сосредоточиться на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну происхождения с учетом общей ситуации там и его личных обстоятельства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. United Kingdom*) от 30 октября 1991 г., § 108, Series A, № 215). В этой связи, и если это целесообразно, Европейский Суд примет во внимание, существует ли общая ситуация насилия в стране назначения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства» (*Sufi and Elmi v. United Kingdom*) от 28 июня 2011 г., жалобы №№ 8319/07 и 11449/07, § 216).

115. Если заявитель еще не выслан, Европейский Суд должен оценивать это на момент рассмотрения дела (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства», § 86). Полная и *ex nunc* оценка требуется, когда необходимо принять во внимание информацию, которая выявлена после принятия окончательного решения внутренними государственными органами (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), жалоба № 1638/03, §§ 87–95, *ECtHR* 2008, и упоминавшееся выше Постановление

Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», § 215). Данная ситуация обычно возникает, если, как в настоящем деле, решение о высылке не было исполнено в связи с указанием Европейским Судом предварительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Поскольку характер ответственности государств-участников по статье 3 Конвенции в подобных делах заключается в действии, подвергающем лицо угрозе жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться преимущественно с учетом фактов, которые государство-участник знало или должно было знать на момент высылки. Оценка должна сосредоточиться на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну происхождения в свете общей ситуации в ней и его личных обстоятельств (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Салах Шеех против Нидерландов» (*Salah Sheekh v. Netherlands*) от 11 января 2007 г., жалоба № 1948/04, § 136, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», §§ 107 и 108).

116. Европейский Суд должен проанализировать в случае высылки, были ли при всех обстоятельствах рассматриваемого им дела продемонстрированы существенные основания, позволяющие заключить, что данное лицо столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, в случае выдворения. Если существование такой угрозы установлено, выдворение заявителя непременно нарушит статью 3 Конвенции независимо от того, исходит ли угроза от общей ситуации насилия, личной характеристики заявителя или их сочетания. Однако ясно, что не каждая ситуация общего насилия порождает такую угрозу. Напротив, Европейский Суд разъясняет, что общая ситуация насилия лишь достаточной степени интенсивности создает подобную угрозу «в наиболее крайних случаях», где существует реальная угроза жестокого обращения просто потому, что лицо подвергнется этому насилию в случае возвращения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», §§ 216 и 218, а также, в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Л.М. и другие против Российской Федерации» (*L.M. and Others v. Russia*) от 15 октября 2015 г., жалобы №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14¹, § 108, и Постановление Европейского Суда по делу «Мамажонов против Российской Федерации» (*Mamazhonov v. Russia*) от 23 октября 2014 г., жалоба № 17239/13², §§ 132–133).

(b) Природа проверки Европейским Судом

117. В делах по поводу высылки искателей убежища Европейский Суд сам не рассматривает настоящие ходатайства о предоставлении убежища или не проверяет, как государства исполняют свои обязательства в соответствии с Женевской конвенцией о статусе беженцев. Его основная озабоченность заключается в том, существуют ли эффективные гарантии, которые защищают заявителя от произвольного выдворения, прямого или косвенного, в страну, из которой он бежал. В силу статьи 1 Конвенции основная ответственность за исполнение гарантированных прав и свобод возлагается на внутригосударственные власти. Механизм жалобы в Европейский Суд, таким образом, является субсидиарным по отношению к национальным системам, обеспечивающим права человека. Этот субсидиарный характер выражен в статье 13 и пункте 1 статьи 35 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (*M.S.S. v. Belgium and Greece*), жалоба № 30696/09, §§ 286–287, *ECHR* 2011). Однако Европейский Суд должен удостовериться, что оценка, произведенная властями государства-участника, адекватна и достаточно подтверждена внутригосударственными материалами, а также материалами из других надежных и объективных источников, таких как, например, другие государства-участники, государства, которые не присоединились к Конвенции, учреждения ООН и авторитетные неправительственные организации (см. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «NA. против Соединенного Королевства» (*NA. v. United Kingdom*) от 17 июля 2008 г., жалоба № 25904/07, § 119).

118. Кроме того, если имело место разбирательство на внутригосударственном уровне, как в настоящем деле, в задачу Европейского Суда не входит подменять своими выводами оценку фактов, осуществлявшуюся судами государства-ответчика, и, как правило, именно они должны оценивать представленные им доказательства (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*) от 24 марта 2011 г., жалоба № 23458/02, §§ 179–180, Постановление Европейского Суда по делу «Низомхон Джураев против Российской Федерации» (*Nizomkhon Dzhurayev v. Russia*) от 3 октября 2013 г., жалоба № 31890/11³, § 113, и Постановление Европейского Суда по делу «Савриддин Джураев против Российской Федерации» (*Savriddin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10⁴, § 155, *ECHR* 2013 (извлечения)). В качестве общего принципа внутригосударствен-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 8 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 2 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 5 (примеч. редактора).

ные власти находятся в лучшем положении для оценки не только фактов, но, конкретнее, достоверности свидетельских показаний, поскольку они имеют возможность видеть, слышать и оценивать поведение заинтересованных лиц (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «R.C. против Швеции» (R.C. v. Sweden) от 9 марта 2010 г., жалоба № 41827/07, § 52).

*(с) Процессуальные обязанности
при рассмотрении ходатайств
о предоставлении убежища*

119. В контексте депортации Европейский Суд по разным случаям излагал обязательства, возложенные на государства в отношении процессуального аспекта статей 2 и 3 Конвенции (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии», § 198, Постановление Европейского Суда по делу «М.Е. против Дании» (M.E. v. Denmark) от 8 июля 2014 г., жалоба № 58363/10, § 51, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», § 214).

120. Что касается бремени доказывания, Европейский Суд установил в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (упоминавшееся выше, §§ 129–132, см. также в числе прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Уабур против Бельгии» (Ouabour v. Belgium) от 2 июня 2015 г., жалоба № 26417/10, § 65, и Постановление Европейского Суда по делу «Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства» ((Abu Qatada) v. United Kingdom), жалоба № 8139/09, § 261, ECHR 2012 (извлечения)), что в принципе заявитель обязан представить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, и что, если представлены такие доказательства, государство-ответчик должно устранить возникшие в связи с этим сомнения (см. там же, § 129). Чтобы определить, имеется ли угроза жестокого обращения, Европейский Суд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя в принимающем государстве, принимая во внимание общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства (см. там же, § 130). Если доступные Европейскому Суду источники описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами (см. там же, § 131). В делах, где заявитель ссылается на свою принадлежность к группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения, Европейский Суд считает, что защита статьи 3 Конвенции действует при условии, что заявитель

подтверждает в необходимых случаях с помощью вышеупомянутых источников наличие серьезных оснований полагать, что указанная практика существует, и он входит в соответствующую группу (см. там же, § 132).

121. Что касается процедур предоставления убежища, Европейский Суд отмечает, что пункт 1 статьи 4 Директивы о квалификации предусматривает, что государства – члены Европейского союза могут считать, что обязанность заявителя состоит в том, чтобы как можно скорее предоставить все факты, необходимые для того, чтобы обосновать свое ходатайство о международной защите, и что § 67 руководства УВКБ (см. § 53 настоящего Постановления) предусматривает следующее:

«Задачей проверяющего лица при изучении обстоятельств дела является установление причины или причин преследований и принятие решения о том, соответствуют ли они определению Конвенции 1951 года. Очевидно, что причины преследования по этим различным мотивам будут частично совпадать. Чаще всего будет присутствовать более чем один элемент, связанный с одним лицом, например, политическим оппонентом, который принадлежит к религиозной или национальной группе или обоим сразу, и сочетание этих причин в одном лице будет иметь значение при оценке его вполне обоснованных опасений».

122. Европейский Суд также учитывает, что УВКБ в своих объяснениях третьей стороны (см. § 109 настоящего Постановления) утверждали, что, хотя бремя доказывания обычно возлагается на того, кто утверждает, возникает общая обязанность заявителя и проверяющего лица установить и оценить все относимые факты. Исполняя эту общую обязанность, проверяющие лица могли в некоторых случаях нуждаться в использовании всех имеющихся в их распоряжении средств для сбора необходимых доказательств в поддержку жалобы.

123. Относительно деятельности *sur place* Европейский Суд признает, что обычно очень трудно оценить, искренне ли в данной деятельности заинтересованное лицо, имеет ли деятельность политическую или религиозную причину или лицо занимается ею только с целью создания оснований после бегства (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «А.А. против Швейцарии» (A.A. v. Switzerland) от 7 января 2014 г., жалоба № 58802/12, § 41). Эта мотивировка соответствует Рекомендациям УВКБ по международной защите относительно требований беженцев на религиозной основе от 28 апреля 2004 г., которые указывают, что «возникает определенная озабоченность относительно доверия, и требуется скрупулезное и глубокое изучение обстоятельств и того, насколько искренним был переход в другую веру... Так называемая деятельность в “собственных интересах” не создает справедливо обоснованного страха быть подвергнутым преследованиям

в стране происхождения заявителя в тех случаях, когда оппортунистическая природа такой деятельности будет несомненной для всех, включая власти страны происхождения, и не предвидится каких-либо неблагоприятных последствий для заявителя, если человек будет возвращен в страну происхождения» (см. § 52 настоящего Постановления). См. также соответствующий вывод Европейского Суда, например, в Решении Европейского Суда по делу «Али Муради и Сельма Алиева против Швеции» (Ali Muradi and Selma Alieva v. Sweden) от 25 июня 2013 г., жалоба № 11243/13, §§ 44–45).

124. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в отношении определения первой инстанции о праве на международную защиту CJEU (в упоминавшемся выше решении («А, В и С против Государственного секретаря по безопасности и юстиции»), в частности, указал, что статья 4(3) (с) Директивы 2004/83/ЕС и статья 13(3) (а) Директивы 2005/85/ЕС должны толковаться в том смысле, что показания обратившегося за предоставлением убежища лица не являются достоверными только потому, что заявитель не ссылаясь на объявленную сексуальную ориентацию при первой возможности, предоставленной ему для изложения оснований для преследования (см. § 51 настоящего Постановления).

125. В принципе лицо, обратившееся за международной защитой в государстве-участнике, должно как можно скорее представить ходатайство о предоставлении убежища с изложением мотивов в его поддержку и доказательства, способные подтвердить наличие существенных оснований полагать, что высылка на родину повлечет реальную и конкретную угрозу подверженности угрожающей жизни ситуации, охватываемой статьей 2 Конвенции, или обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

126. Однако в отношении требований о предоставлении убежища, основанных на общеизвестном риске, если информация о таком риске свободно доступна из широкого ряда источников, обязательства, имеющиеся у государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в делах о высылке, предусматривают, что власти должны провести оценку этого риска по собственной инициативе (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии», §§ 131–133, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», § 366).

127. Напротив, что касается ходатайств о предоставлении убежища, основанных на индивидуальном риске, искатель убежища должен ссылаться на наличие подобного риска и обосновать его. Соответственно, если заявитель предпочитает не ссылаться или не раскрывать конкретное индивидуальное основание для предоставления

убежища, умышленно воздерживаясь от его упоминания, будь то религиозные или политические убеждения, сексуальная ориентация или другие основания, от государства нельзя ожидать самостоятельного выявления этого основания. Однако с учетом абсолютного характера прав, гарантированных статьями 2 и 3 Конвенции, и позиции уязвимости, в которой часто оказываются искатели убежища, если государство-участник осведомлено о фактах, относящихся к конкретному лицу, которые ставят его под угрозу жестокого обращения в нарушение указанных положений при возвращении в данную страну, обязательства, возложенные на государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, требуют от властей проведения оценки этого риска по собственной инициативе. Это применимо, в частности, к ситуациям, в которых внутригосударственные власти были осведомлены о том факте, что искатель убежища может рассматриваться как представитель группы, систематически подвергающейся практике жестокого обращения, и имеются серьезные основания полагать, что указанная практика существует, и он относится к соответствующей группе (см. § 120 настоящего Постановления).

3. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

128. Применяя вышеупомянутые принципы в настоящем деле, Европейский Суд находит целесообразным разделить рассмотрение дела на две части: во-первых, политическая деятельность заявителя в Иране и, во-вторых, его обращение в христианство в Швеции.

(a) Политическая деятельность заявителя

(i) Общая ситуация в Иране

129. Заявитель не утверждал, что общие обстоятельства, существующие в Иране, сами по себе препятствуют его возвращению в эту страну. Кроме того, Европейский Суд учитывает, что общая ситуация насилия как таковая не влечет нарушения статьи 3 Конвенции в случае высылки в данную страну (см. Постановление Европейского Суда по делу «H.L.R. против Франции» (H.L.R. v. France) от 29 апреля 1997 г., § 41, *Reports* 1997-III). Однако Европейский Суд никогда не исключает возможности того, что общая ситуация насилия в стране назначения может достигнуть достаточного уровня интенсивности, чтобы любое выдворение в нее с необходимостью нарушало статью 3 Конвенции. Тем не менее Европейский Суд примет данный подход только в наиболее крайних случаях общего насилия, когда имеется реальная угроза жестокого обращения только потому, что заинтересованное лицо будет подвержено такому насилию в этой

стране (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», § 218, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «NA. против Соединенного Королевства», § 115).

130. В настоящем деле, зная о докладах по поводу серьезных нарушениях прав человека в Иране (см. §§ 55–58 настоящего Постановления), Европейский Суд не усматривает в них такой характер, чтобы они могли сами по себе доказывать, что возвращение заявителя в эту страну будет являться нарушением Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда по делу «S.F. и другие против Швеции» (S.F. and Others v. Sweden) от 15 мая 2012 г., жалоба № 52077/10, § 64). Поэтому Европейский Суд перейдет к выяснению того, была ли личная ситуация заявителя, что его возвращение в Иран нарушит статьи 2 и 3 Конвенции.

(ii) Конкретные обстоятельства ситуации заявителя

131. Европейский Суд учитывает, что заявитель давал объяснения в присутствии адвоката и переводчика во время двухчасового интервью в миграционной службе 24 марта 2010 г. и в Миграционном суде 16 февраля 2011 г. Его дело рассматривалось по существу двумя органами, и Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование решения.

132. Из протоколов видно, что миграционная служба и Миграционный суд приняли во внимание, что с 2007 года заявитель работал с лицами, связанными с разными университетами, которые были известны как противники режима. Он в основном работал по созданию и публикации веб-страниц. Его компьютер был изъят из его офисных помещений, когда он находился в тюрьме в сентябре-октябре 2009 года. В его компьютере хранился критический по отношению к режиму материал. Хотя он лично не критиковал режим, Президента Ахмадинежада или высших руководителей страны, заявитель посещал некоторые веб-сайты и получал по электронной почте карикатуры. Таким образом, по мнению заявителя, имелось достаточно доказательств того, что он являлся противником системы. Именно данный материал хранился в его компьютере в 2007 году. Власти Швеции сочли, что информация по поводу политической деятельности заявителя была неясной и неконкретной. Кроме того, он не указывал или не обосновывал существование веб-страниц, предположительно созданных им за двухлетний период. Они также нашли существенным, что заявитель мог продолжать публиковать критические по отношению к режиму материалы с 2007 года до выборов в 2009 году, если власти Ирана действительно знали о его деятельности в 2007 году.

133. Внутригосударственные органы также приняли во внимание то обстоятельство, что заявитель был задержан на 24 часа в апреле 2007 года.

134. Они не ставили под сомнение тот факт, что за день до выборов, 12 июня 2009 г., заявитель и его друзья были задержаны, допрошены и заключены под стражу на избирательном участке в течение ночи.

135. Власти Швеции также признали установленным, что заявитель участвовал в демонстрации и был задержан и вновь заключен под стражу в сентябре 2009 года на 20 дней и подвергнут жестокому обращению и что в октябре 2009 года он был доставлен в Революционный суд, который освободил его.

136. Внутригосударственные органы также учли, что заявитель представил оригинальную повестку о явке 2 ноября 2009 г. в Революционный суд. Однако они решили, что повестка сама по себе не может обосновать необходимость защиты. Это был всего лишь вызов, и не были указаны причины, по которым заявитель должен был явиться туда.

137. Произведя общую оценку, внутригосударственные органы заключили, что политическая деятельность, в которой заявитель участвовал в Иране, могла считаться несущественной, что подтверждалось тем фактом, что с 2009 года заявитель не получал новых повесток из Революционного суда и никто из членов его семьи, остававшихся в Иране, не был подвергнут репрессиям со стороны властей Ирана.

138. При таких обстоятельствах Европейский Суд не убежден утверждением заявителя о том, что власти Швеции надлежащим образом не приняли во внимание жестокое обращение с ним в течение 20 дней содержания под стражей в сентябре 2009 года, его подробное описание слушания в Революционном суде в октябре 2009 года или тот факт, что он представил оригинальную повестку о повторной явке 2 ноября 2009 г.

139. В деле также отсутствуют данные, указывающие, что власти Швеции не приняли надлежащим образом во внимание риск задержания в аэропорту при общей оценке угрозы, которой подвергался заявитель.

140. Европейский Суд находит, что нельзя заключить, что разбирательство в государственных органах Швеции было неадекватным и в недостаточной степени подкрепленным внутригосударственными материалами, а также материалами, полученными из иных достоверных и объективных источников.

141. Кроме того, и что касается оценки риска, отсутствуют данные, подкрепляющие утверждение о том, что власти Швеции неправильно заключили, что заявитель не являлся известным активистом или политическим оппонентом. Таким образом, настоящее дело отличается, в частности, от Постановления Европейского Суда по делу «S.F.

и другие против Швеции» (упоминавшегося выше), где заявитель участвовал в активной политической деятельности и был помещен под наблюдение иранским режимом, Постановления Европейского Суда по делу «К.К. против Франции» (K.K. v. France) (от 10 октября 2013 г., жалоба № 18913/11), в котором заявитель был бывшим сотрудником разведывательных служб Ирана, и Постановление Европейского Суда по делу «R.C. против Швеции» (упоминавшееся выше), касавшееся, в частности, угрозы задержания в аэропорту при возвращении.

142. Наконец, что касается утверждения заявителя в Большой Палате Европейского Суда о том, что власти Ирана могли бы опознать его по постановлению Палаты и смогут сделать это в будущем на основании постановления Большой Палаты, Европейский Суд подчеркивает, что заявитель воспользовался анонимностью, когда его ходатайство об указании предварительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда было удовлетворено в октябре 2011 года, и что согласно материалам, представленным Европейскому Суду, отсутствовали твердые указания на риск опознания заявителя (см. противоположный пример в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда «S.F. и другие против Швеции», §§ 67–70, и упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «NA. против Соединенного Королевства», § 143).

143. Отсюда следует, что статьи 2 и 3 Конвенции не будут нарушены в связи с политическим прошлым заявителя в Иране, если он будет выслан в свою страну.

(b) Обращение заявителя

144. В настоящем деле власти Швеции имели дело с обращением *sur place*. В связи с этим прежде всего они должны были оценить, было ли обращение заявителя искренним и достигло ли оно определенного уровня последовательности, серьезности, связности и важности (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (S.A.S. v. France) от 1 июля 2014 г., жалоба № 43835/11, § 55, Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» (Eweida and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, § 81, ECHR 2013, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятыан против Армении» (Bayatyan v. Armenia), жалоба № 23459/03¹, § 110, ECHR 2011), прежде чем проверить, подвергнется ли заявитель угрозе обращения, противоречащего статьям 2 и 3 Конвенции в случае возвращения в Иран.

145. Европейский Суд отмечает, что согласно утверждениям властей государства-ответчика (см. § 104 настоящего Постановления) в делах о предоставлении убежища власти Швеции обычно следуют руководству УВКБ и рекомендациям УВКБ о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии, проводят индивидуальную оценку того, убедительно ли доказал иностранец, что его обращение *sur place* является искренним в том смысле, что основано на искренних личных религиозных убеждениях. Это включает оценку обстоятельств, при которых обращение имело место, и того, можно ли ожидать, что заявитель будет жить в качестве обращенного после возвращения на родину. Кроме того, 12 ноября 2012 г. генеральный директор по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции издал «общую правовую позицию» (см. § 46 настоящего Постановления) относительно религии как основания для предоставления убежища, включая обращение, основанное на решении Миграционного апелляционного суда (MIG 2011: 29), рекомендациях УВКБ и упоминавшемся решении от 5 сентября 2012 г. Суда Европейского союза по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» от 5 сентября 2012 г. Согласно правовой позиции достоверность обращения должна быть тщательно проверена для определения того, имело ли место искреннее обращение. Лицо, пережившее искреннее изменение своей веры или которому грозит атрибуция нового религиозного убеждения и которому поэтому грозит преследование, не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования. Кроме того, 10 июня 2013 г. генеральный директор по правовым вопросам издал «общую правовую позицию» (см. § 47 настоящего Постановления) относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите, которая была основана, в частности, на оценке УВКБ в его докладе «Вне сомнений: оценка достоверности в системах убежища ЕС» от мая 2013 года.

146. В первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища в миграционной службе заявитель не захотел ссылаться на свое обращение. Дело было передано на рассмотрение в миграционную службу, но заявитель пояснил, что считал свою религию личным делом и «не хотел эксплуатировать свою ценную вновь приобретенную веру как средство приобретения убежища». Оглядываясь назад, он полагал, что в то время не имел достаточной юридической консультации и поддержки для понимания угрозы, связанной с его обращением.

147. Европейский Суд отмечает, что заявитель прожил почти всю свою жизнь в Иране, хорошо говорил по-английски (см. § 97 настоящего Постановления) и разбирался в компьютерах, веб-страницах и Интернете. Он также был критиком

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

режима. Следовательно, трудно признать, что он не сознавал угрозу для обращенных в Иране сам или через конгрегацию в церкви, где он был крещен вскоре после прибытия в Швецию, или через пастора, который выдал ему декларацию от 15 марта 2010 г. для передачи в миграционную службу. Европейский Суд также не убежден, что заявителю не была предоставлена достаточная юридическая консультация и поддержка для понимания угрозы, связанной с его обращением. Европейский Суд также отмечает, что заявитель не жаловался на это в национальном разбирательстве. Кроме того, на слушании в миграционной службе 24 марта 2010 г. ее сотрудник даже прервал встречу, чтобы заявитель мог проконсультироваться со своим адвокатом по этому конкретному поводу. Заявитель указал, что его обращение являлось личным делом, но не представляется, что он считал это препятствием для бесед о его религии (см. § 13 настоящего Постановления). Кроме того, в своей жалобе в миграционную службу заявитель ссылался на свое обращение как на основание предоставления убежища и представил сертификат о крещении от 31 января 2010 г., объясняя, что причина первоначального нежелания ссылаться на свое обращение заключалась в том, что он не хотел опоплять серьезность своих убеждений. В Миграционном суде 16 февраля 2011 г., указав, что он не хотел ссылаться на свое обращение как на основание для предоставления убежища, он добавил, что «однако это несомненно создаст [ему] проблемы при возвращении».

148. Что касается властей Швеции, 24 марта 2010 г. они узнали о наличии проблемы обращения заявителя *sur place*, когда миграционная служба проводила с ним устное интервью в присутствии его адвоката и переводчика. Конкретно, миграционная служба узнала об этом, поскольку заявитель передал ей декларацию пастора его конгрегации от 15 марта 2010 г., подтверждающую, что заявитель являлся ее членом с декабря 2009 года и был крещен. Поэтому сотрудник миграционной службы тщательно опросил заявителя по поводу его обращения и предложил ему проконсультироваться с адвокатом по этому поводу, после чего узнал, что заявитель не хочет ссылаться на обращение как на основание предоставления убежища (см. § 13 настоящего Постановления).

149. 29 апреля 2010 г. миграционная служба отклонила ходатайство заявителя о предоставлении убежища. Что касается обращения заявителя в христианство, миграционная служба отметила, что сертификат от пастора конгрегации может рассматриваться лишь как ходатайство в миграционную службу о предоставлении заявителю убежища. Она указала, что заявитель первоначально не собирался ссылаться на свое обращение как на основание для предоставления убежища и пояснял, что новая вера – это его частное дело. Она заключила,

что исповедание своей веры в частном порядке не является уважительной причиной, чтобы считать, что ему грозит преследование в случае возвращения, и решила, что заявитель не доказал, что по данной причине он нуждается в защите в Швеции.

150. Соответственно, несмотря на тот факт, что заявитель не хотел ссылаться на свое обращение, миграционная служба, тем не менее, произвела некоторую оценку риска, с которым он мог столкнуться в этой связи в случае возвращения в Иран.

151. В своей жалобе в миграционную службу заявитель ссылался на свое обращение и объяснил, почему ранее не хотел ссылаться на него.

152. Во время устного слушания в миграционной службе заявитель решил не ссылаться на свое обращение как на основание предоставления убежища, но добавил, что «оно, однако, создаст ему проблемы в случае возвращения в Иран». Позиция миграционной службы также была изложена. Она не ставила под сомнение тот факт, что заявитель в то время исповедовал христианскую веру, но не считала, что самого по себе данного факта было достаточно для того, чтобы он мог считаться нуждающимся в защите. Она сослалась на оперативное руководство Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от января 2009 года.

153. Однако Миграционный суд дальше не рассматривал вопрос об обращении заявителя, способ исповедания им христианской веры в Швеции в то время, как он намеревался исповедовать ее в Иране, если приказ о высылке будет исполнен, или какие «проблемы» обращение могут возникнуть у него в случае возвращения. В своем решении от 9 марта 2011 г. об отклонении жалобы Миграционный суд отметил, что заявитель более не ссылался на свои религиозные взгляды как на основание для преследования. Соответственно, Миграционный суд не выполнил оценку риска, с которым заявитель мог столкнуться в результате его обращения в случае возвращения в Иран.

154. В своем ходатайстве о разрешении на обжалование в Миграционный апелляционный суд заявитель утверждал, что ссылался на свое обращение в Миграционном суде. Кроме того, он настаивал на том, что его опасение по поводу того, что его обращение стало известно властям Ирана, усилилось. Эти объяснения были признаны недостаточными для удовлетворения ходатайства об обжаловании, и Миграционный апелляционный суд отклонил ходатайство заявителя 8 июня 2011 г., после чего приказ о высылке вступил в силу.

155. 6 июля 2011 г. заявитель просил миграционную службу приостановить исполнение приказа о высылке. Он ссылался на свое обращение в христианство. Его ходатайство было отклонено миграционной службой и Миграционным судом, которые решили, что обращение не может рассматриваться как «новое обстоятельство», оправдывающее пересмотр его дела. 17 ноября 2011 г.

Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование.

156. Таким образом, несмотря на осведомленность о том, что заявитель обратился в Швеции из ислама в христианство и поэтому может относиться к группе лиц, которые в зависимости от различных факторов могут подвергаться угрозе обращения, нарушающего статьи 2 и 3 Конвенции в случае возвращения в Иран, миграционная служба и Миграционный суд в связи с тем, что заявитель не сослался на обращение как на основание предоставления убежища, не провели тщательного рассмотрения ходатайства заявителя, серьезность его убеждений, способа исповедания им христианской веры в Швеции и того, как он собирался исповедовать ее в Иране, если бы приказ о высылке был исполнен. Кроме того, в повторном разбирательстве обращение не было признано «новым обстоятельством», которое могло оправдать пересмотр его дела. Соответственно, власти Швеции никогда не производили оценку риска, с которым заявитель мог столкнуться в результате его обращения в случае возвращения в Иран. С учетом абсолютного характера статей 2 и 3 Конвенции трудно представить, что заинтересованное лицо может отказаться от предусмотренной ими защиты. Отсюда следует, что независимо от поведения заявителя компетентные внутригосударственные органы были обязаны по своей инициативе оценить всю информацию, доведенную до их сведения, до принятия решения о его высылке в Иран (см. § 127 настоящего Постановления).

157. Кроме того, в Большой Палате Европейского Суда заявитель представил различные документы, которые не были предъявлены во внутригосударственные органы, например, его письменное объяснение от 13 сентября 2014 г. (по поводу его обращения, способа, которым он в настоящее время исповедует свою христианскую веру в Швеции, и как он собирается исповедовать ее в Иране, если приказ о высылке будет исполнен) и письменное объяснение от 15 сентября 2014 г. бывшего пастора церкви заявителя (см. §§ 96–97 настоящего Постановления). С учетом материалов, представленных в Европейский Суд, и материалов, ранее представленных заявителем во внутригосударственные органы, Европейский Суд заключает, что заявитель в достаточной степени доказал, что его ходатайство о предоставлении убежища на основании его обращения заслуживает оценки органами власти государства-ответчика. Внутригосударственные органы должны были принять этот материал во внимание, как и любое дальнейшее развитие общей ситуации в Иране и конкретных обстоятельств дела заявителя.

158. Отсюда следует, что было бы допущено нарушение статей 2 и 3 Конвенции, если бы заявитель был возвращен в Иран в отсутствие *ex nunc* проверки властями Швеции последствий его обращения.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

159. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

160. Заявитель не представил требований о компенсации морального вреда. Соответственно, Европейский Суд не присуждает ему каких-либо сумм по данному основанию. В любом случае Европейский Суд считает, что его вывод в настоящем Постановлении сам по себе составляет достаточную справедливую компенсацию за любой моральный вред, который был причинен заявителю (см. в этом отношении Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракхель против Швейцарии» (*Tarakhel v. Switzerland*), жалоба № 29217/12, § 137, *ECHR* 2014 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Бельджуди против Франции» (*Beldjoudi v. France*) от 26 марта 1992 г., §§ 79 и 86, *Series A*, № 234-A, Постановление Европейского Суда по делу «М. и другие против Болгарии» (*M. and Others v. Bulgaria*) от 26 июля 2011 г., жалоба № 41416/08, §§ 105 и 143, и Постановление Европейского Суда по делу «Низамов и другие против Российской Федерации» (*Nizamov and Others v. Russia*) от 7 мая 2014 г., жалобы №№ 22636/13, 24034/13, 24334/13 и 24528/13¹, § 50).

161. В Палате Европейского Суда заявитель выдвинул требование о компенсации материального ущерба в части предполагаемой утраты дохода в качестве веб-дизайнера с оплатой в 19 000 шведских крон в месяц с 9 марта 2011 г. до предоставления ему убежища.

162. Власти Швеции утверждали, что это требование должно быть отклонено, поскольку заявитель не доказал, что ему был причинен какой-либо материальный ущерб и что существовала причинная связь между установлением нарушения и предполагаемым материальным ущербом.

163. Европейский Суд напоминает, что он может присуждать суммы в порядке справедливой компенсации, предусмотренной статьей 41 Конвенции, если убыток или ущерб, на которых основаны требования, причинены установленным нарушением, но государство не обязано возмещать ущерб, который не может быть ему приписан (см. упоминавшееся выше Постановление Большой

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 7 (примеч. редактора).

Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии», § 186).

164. Заявитель не обосновал утрату дохода. Кроме того, с учетом выводов Европейского Суда в настоящем деле о нарушении статей 2 и 3 Конвенции в случае возвращения заявителя в Иран в отсутствие надлежащей оценки *ex nunc* властями Швеции последствий его религиозного обращения не усматривается наличие причинной связи между установленным условным нарушением и материальным ущербом, на который ссылается заявитель.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

165. Заявитель требовал выплаты 67 175 евро, включая налог на добавленную стоимость (НДС), в качестве компенсации судебных расходов и издержек, что включало:

1) 1 415 евро в счет адвокатских гонораров в разбирательстве в Палате Европейского Суда, что равно 8,4 часа по часовой ставке 1 205 крон (не считая НДС);

2) 42 683 евро в счет адвокатских гонораров в разбирательстве в Большой Палате Европейского Суда, что равно 311 часам по часовой ставке 134 евро 5 центов (не считая НДС) и семи часов по часовой ставке 136 евро;

3) 9 860 евро за транспортные расходы и компенсацию расходов, понесенных тремя его адвокатами при участии в рассмотрении дела в Большой Палате Европейского Суда, включая счета из гостиниц на две ночи (1 190 евро) и сбор за избыток багажа (235 евро);

4) 319 евро за издержки, связанные с консультациями заявителя с его адвокатами;

5) 12 898 евро, что равно 25% НДС по пунктам 2 и 3.

166. Власти Швеции не оспаривали часовую ставку, на которую ссылался заявитель, поскольку она соответствовала обычной часовой ставке юридической помощи по назначению в Швеции, но они считали, что количество часов, поставленных в счет разбирательства дела в Большой Палате Европейского Суда, было чрезмерным с учетом предмета и сложности дела. Они полагали, что сумма, равная 120 часам, была бы разумной, что соответствовало бы примерно 16 231 евро (исключая НДС). Кроме того, власти Швеции утверждали, что транспортные расходы заявителя являются чрезмерными.

167. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек лишь в той мере, насколько было доказано, что они были понесены действительно и по необходимости и были разумными по размеру.

168. Что касается адвокатских гонораров в Палате или Большой Палате, Европейский Суд

может принять часовую ставку, указанную заявителем.

169. Обращаясь к другим расходам и издержкам, понесенным в Большой Палате, Европейский Суд должен удостовериться в том, что судебные расходы и издержки действительно были понесены и были разумными по размеру.

170. В итоге Европейский Суд присуждает заявителю 3 644 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, включая НДС. Эта сумма включает сумму, предоставленную в порядке освобождения от оплаты юридической помощи Европейским Судом, а именно 3 902 евро. Оставшуюся сумму, 33 742 евро, должно уплатить государство-ответчик.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

171. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* 16 голосами «за» при одном – «против» требование властей Швеции об исключении жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом;

2) *постановил* единогласно, что высылка заявителя в Иран в связи с его политическим прошлым в этой стране не составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции;

3) *постановил* единогласно, что высылка заявителя в Иран в отсутствие оценки властями Швеции *ex nunc* последствий его религиозного обращения составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции;

4) *постановил* единогласно, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю 33 742 евро (тридцать три тысячи семьсот сорок два евро), а также любой налог, который может быть начислен заявителю, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во

Дворце прав человека в г. Страсбурге 23 марта 2016 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совпадающее особое мнение судьи Леди Бианку;

(б) частично совпадающее, частично несовпадающее особое мнение судьи Хелены Ядерблом, к которому в части 1 присоединился судья Роберта Спано;

(с) особое мнение судьи Андраша Шайо;

(д) совместное особое мнение судей Инеты Зиемеле, Винсента А. де Гаэтано, Паулу Пинту де Альбукерке, Линос-Александра Сицильяноса, и Кшиштофа Войтычека.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛЕДИ БИАНКУ

Я согласен с выводом о нарушении в данном деле. Однако я бы хотел добавить следующие замечания.

Сегодняшнее Постановление правильно подтверждает позицию Европейского Суда в § 115, подчеркивая, что «[п]олная и *ex nunc* оценка требуется, когда необходимо принять во внимание информацию, которая выявлена после принятия окончательного решения внутренними органами». Таков последовательный подход Европейского Суда особенно в отношении дел о высылке, чтобы сделать их защиту практической и эффективной.

Считаю необходимым напомнить, что Европейский Суд установил принципы, относящиеся к оценке риска жестокого обращения в Постановлении по делу «Крус Варас и другие против Швеции» (Cruz Varas and Others v. Sweden) (20 марта 1991 г., §§ 74–76 и 83, Series A, № 201), а также дополнительно разъяснил и консолидировал эти принципы в Постановлении Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (Vilvarajah and Others v. United Kingdom) (от 30 октября 1991 г., §§ 107–108, Series A, № 215).

Таким образом, после этих постановлений 1991 года для целей анализа оценки риска в соответствии со статьей 3 Конвенции очевидно, что подход анализа *ex nunc* используется Европейским Судом в отношении событий в стране назначения и развивающейся ситуации самих заявителей в стране, где они ищут убежища, так называемой деятельности *sur place* (см. Постановление Европейского Суда от

15 мая 2012 г. по делу «S.F. и другие против Швеции» (S.F. and Others v. Sweden), жалоба № 52077/10, §§ 68–71)¹. Сегодняшнее Постановление является подтверждением анализа *ex nunc* в отношении этой деятельности.

В параграфе 156 настоящего Постановления подтверждается, что «независимо от поведения заявителя компетентные внутригосударственные органы *были обязаны* по своей инициативе оценить всю информацию, доведенную до их сведения, до принятия решения о его высылке в Иран» (курсив наш).

Я только хочу подчеркнуть, что это *должно быть ясно* внутригосударственным органам, поскольку более чем 20 лет они имеют такое процессуальное обязательство. С учетом последовательного подхода анализа *ex nunc*, принятого в Страсбурге, также используемого внутригосударственными судами в течение многих лет в своей оценке риска², а ныне кодифицированного на уровне Европейского союза³, я предпочел бы, чтобы в настоящем Постановлении прямо указывалось, что вследствие отсутствия оценки риска *ex nunc* в сочетании с расследованием *ex proprio motu*⁴ и анализом материала властями Швеции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», § 107)⁵, последние не произвели согласующуюся со статьей 3 Конвенции оценку ситуации заявителя. Я верю, что только оценка на внутригосударственном уровне, которая согласуется со статьей 3 Конвенции, как установил Европейский Суд, постепенно снизит потребность для вмешательства Страсбурга и перейдет к анализу *ex nunc* постоянно развивающихся и сложных ситуаций на второй стадии.

¹ См. также статью 5 Директивы 2011/95/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. по стандартам для квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев и по единому статусу для беженцев или лиц, имеющих право на дополнительную защиту, и по содержанию предоставляемой защиты.

² См. в числе многих других решений: Апелляционный суд Англии и Уэльса от 28 октября 1999 г., решение по делу «Даниан против министра внутренних дел» (Danian v. Secretary of State for the Home Department) (1999) EWCA Civ 3000, решение Хельсинкского административного суда от 25 октября 2010 г., 10/1389/1, решение Высокого суда Ирландии от 21 января 2011 г., H.M. v. Minister for Justice, Equality, Law Reform, (2011) IENC16, и решение Миграционного суда Швеции от 1 марта 2011 г., UM 20938–10 (все имеются по адресу: <http://www.asylumlawdatabase.eu/en>).

³ Пункт 3 статьи 46 Директивы 2013/32/EU Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г. об общих процедурах для предоставления и отмены международной защиты.

⁴ *Proprio motu* (лат.) – по собственной инициативе (примеч. переводчика).

⁵ См. также, что касается необходимости такого расследования, решение Миграционного апелляционного суда Швеции от 18 сентября 2006 г., UM 122–06 (<http://www.asylumlawdatabase.eu/en>).

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ХЕЛЕНЫ ЯДЕРБЛОМ, К КОТОРОМУ В ЧАСТИ 1 ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ РОБЕРТ СПАНО

1. ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

При оценке риска на индивидуальном уровне в деле о предоставлении убежища рассматриваемые обстоятельства могут иметь более или менее общий характер. Что касается мусульман, которые обратились в христианство в Иране, страновые доклады показывают, что при определенных ситуациях имеются риски. Однако для обратившегося человека, который недостаточно известен в том смысле, что он не занимается прозелитизмом или не исповедует свое христианство в политическом контексте, а посещает домашние службы и хранит в доме религиозные материалы, обычно отсутствует угроза жестокого обращения степени или характера, достаточных для применения статей 2 и 3 Конвенции. Первоначальное нежелание заявителя ссылаться на его обращение в христианство означает, что с ним *de facto* обращались как с любым бывшим мусульманином, который ссылается на «низкий профиль» исповедания христианства.

Основной принцип, разработанный в прецедентной практике Европейского Суда для оценки риска, влекущего запрет высылки, заключается в том, что заявитель должен представить доказательства, способные установить наличие существенных оснований полагать, что он будет подвергаться реальной угрозе жестокого обращения. Согласно принципам УВКБ, хотя бремя доказывания обычно возлагается на того, кто утверждает, имеется общая обязанность заявителя и проверяющего лица установить и оценить все относимые факты (см. § 109 настоящего Постановления). Я разделяю данное мнение.

Существуют два объяснения того, почему заявитель не ссылался на свое обращение на первом этапе разбирательства в миграционной службе и Миграционном суде. (Что касается жалобы в Миграционный апелляционный суд, следует напомнить, что этот суд функционирует в основном как орган развития практики и не рассматривает дело по существу.) Помимо возможности того, что обращение не было искренним в момент, когда оценивалось его ходатайство о предоставлении убежища, чего я не предполагаю, заявитель либо не понимал величину опасности его обращения и способа, которым он собирался исповедовать свою новую религию, или он не намеревался исповедовать ее любым способом, который подвергнет его опасности в Иране.

Вопрос заключается в том, какую опасность заявитель должен был сознавать во время разбирательства на внутригосударственном уровне, и, следова-

тельно, какую опасность должны были оценивать власти. В этом отношении следует различать лицо, которое бежало из своей страны в связи с преследованием по религиозным основаниям, и лицо, которое подобно заявителю было обращено *sur place*. В последней ситуации не только заявитель, который должен вообразить, какой может быть ситуация после его возвращения в связи с его предсказуемой религиозной деятельностью, но также национальные органы должны рассмотреть и оценить не только уже пережитые трудности, но и трудности, которых можно ожидать. Следует отметить, что дело CJEU «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*) (см. § 50 настоящего Постановления) касалось не обращения *sur place*, а оценки будущих рисков, относящихся к лицам, которые предположительно являлись жертвами преследования на основе их религиозных убеждений и обрядов. Данное дело не затрагивает процессуальные требования внутригосударственных органов. Напротив, CJEU в деле («А, В и С против Государственного секретаря по безопасности и юстиции» (*A, B и C v. Staatssecretaris van Veiligheid en Justitie*)) (см. § 51 настоящего Постановления) не одобрил практику проведения подробных допросов по поводу сексуальных практик лиц, требующих убежища на основании рисков преследования в связи с их гомосексуализмом, и решил, что заключение о недостоверности не может быть сделано только потому, что искатель убежища не ссылался на свою заявленную сексуальную ориентацию при первой возможности, которая была ему предоставлена для изложения оснований преследования. Однако, по моему мнению, то дело нельзя сравнивать с настоящим. Сексуальная ориентация лица может быть наиболее чувствительным и интимным аспектом его жизни, и CJEU признает, что может быть трудно вынести подобный вопрос на публику или перед принимающим решение органом. Не такова ситуация в нашем деле, где заявитель с самого начала его обращения посещал публичные мероприятия и службы в шведских церквях. Кроме того, в настоящем деле речь идет не о достоверности утверждений заявителя, а скорее о неясности в отношении предполагаемой будущей деятельности во вновь обретенной религии и отсутствия автоматической проверки властей Швеции в этом отношении.

Заявитель не разъяснил в миграционной службе или любом из внутригосударственных судов, как он намерен практиковать свою вновь обретенную религию в Иране. Он никогда не упоминал, что намерен заниматься прозелитизмом или публиковать христианские тексты. С тех пор, как жалоба заявителя впервые поступила в Европейский Суд, он утверждал, что собирается исповедовать свою новую веру экстравертным образом. Применимо ли это к любому времени, пока его ходатайство о предоставлении убежища рассматривается на первом

этапе разбирательства властями Швеции, просто неизвестно, поскольку он этого не разъяснил. Тот факт, что заявитель упомянул в Миграционном суде, что обращение будет проблематичным после его возвращения в Иран, конечно, должен учитываться судом, но, как мы видим, для этого возможны другие объяснения. Из того, что его адвокат отвечал на слушании в Большой Палате Европейского Суда, ясно, что заявитель столкнется в Иране с проблемами с семьей и друзьями, которые не примут его обращение, и поэтому он будет страдать от обращения по этим причинам. Однако данные последствия не являются основанием для предоставления убежища.

Заявитель прожил большую часть жизни в Иране, был опытным пользователем Интернета и говорил по-английски. Кроме того, он был представлен адвокатом на всем протяжении разбирательства по поводу предоставления убежища. Заявитель обсуждал вопрос обращения с адвокатом несколько раз начиная со стадии первоначальных интервью в миграционной службе. Таким образом, трудно представить, что заявителю, пользовавшемуся услугами адвоката, тем или иным способом препятствовали в доведении соответствующего факта или риска до сведения властей и судов. Кроме того, сотрудник миграционной службы задал ему вопрос о его обращении (уже в интервью от 24 марта 2010 г.) и, таким образом, активно затронул проблему в деле, и заявитель получил возможность поразмыслить по этому поводу.

Общеизвестно, что обращение в христианство само по себе не является достаточным, чтобы спровоцировать жестокое обращение со стороны властей Ирана. Чтобы это произошло, должен иметь место элемент экстравертного практикования веры. Это было определенно известно заявителю и властям Швеции. Миграционная служба Швеции обычно обрабатывает десятки тысяч ходатайств о предоставлении убежища каждый год, а четыре миграционных суда рассматривают несколько тысяч дел о предоставлении убежища в год. Должностные лица и судьи специализируются на ситуации в конкретных странах, включая Иран.

Имея в виду конкретную ситуацию заявителя, в частности, осознание им ситуации на родине, оказанную ему юридическую помощь, а также низкий уровень риска для обращенных, которые практикуют христианство с осторожностью, по моему мнению, было бы разумно ожидать от заявителя, что он, по крайней мере, упомянет, что собирается практиковать свою вновь обретенную веру экстравертным и, следовательно, опасным образом. Если бы заявитель сослался на указанное обстоятельство, власти должны были бы проверить, как это повлияет на оценку риска, и исследовать данные факты. Вот как, по моему мнению, должен применяться принцип УВКБ о совместной обязанности в ситуации, аналогичной настоящей.

Соответственно, я не убежден, что власти Швеции не исполнили свою обязанность по проведению оценки относимых фактов или рисков в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища.

Вопрос заключается в том, существовали ли обстоятельства, такие как события, касавшиеся исповедания его новой религии, которые требовали второй новой оценки ходатайства заявителя о предоставлении убежища на основании его обращения. Во втором разбирательстве было жизненно важно оценить, было ли развитие способа, которым заявитель, как можно было ожидать, будет исповедовать свою вновь обретенную религию в Иране, так же как требовала оценки любая другая деятельность *sur place*. Сам заявитель не дал новых объяснений во втором разбирательстве относительно способа, которым, как он предвидел, он сможет практиковать свою новую религию в Иране. При этом заявитель не описал деятельность, выходящую за пределы низкопрофильной практики, которая обычно допускается в этой стране. Соответственно, неудивительно, что заявителя сочли не указавшим новые обстоятельства в данном отношении, и поэтому я не могу заключить, что власти Швеции не исполнили свои обязательства по поводу второго разбирательства.

Однако заявитель представил новые материалы в Европейский Суд, в которых он разъяснял, как он будет практиковать свою религию в Иране в случае высылки. Обстоятельства, изложенные Европейскому Суду, того рода, который может выявить риск жестокого обращения, и поэтому должны быть приняты во внимание властями Швеции до принятия любого нового решения, что касается его возможной высылки. По этой причине я голосовал с большинством судей за потенциальное нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБЫ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОПРАВДАНЫМ

Хотя я голосовала с большинством судей в отношении статей 2 и 3 Конвенции, я бы предпочла, чтобы жалоба была исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом, по следующим причинам.

Пункт 1 статьи 37 Конвенции предусматривает:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что

a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

b) спор был урегулирован; или

c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней».

Согласно последовательной практике Европейского Суда в делах о высылке заявителя из государства-ответчика, если заявителю предоставлен вид на жительство и отсутствуют угрозы высылки из этого государства, Европейский Суд признает дело урегулированным в значении подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции и прекращает по нему производство независимо от согласия заявителя (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции» (M.E. v. Sweden) (прекращение производства) от 8 апреля 2015 г., жалоба № 71398/12¹, § 32, Решение Европейского Суда по делу «Н против Норвегии» (N v. Norway) от 17 февраля 2015 г., жалоба № 51666/13, Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов» (I.A. v. Netherlands) от 27 мая 2014 г., жалоба № 76660/12, Решение Европейского Суда по делу «O.G.O. против Соединенного Королевства» (O.G.O. v. United Kingdom) от 18 февраля 2014 г., жалоба № 13950/12, Решение Европейского Суда по делу «Исман против Швейцарии» (Isman v. Switzerland) от 21 января 2014 г., жалоба № 23604/11, Решение Европейского Суда по делу «М.А. против Швеции» (M.A. v. Sweden) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 28361/12, Решение Европейского Суда по делу «А.Г. против Швеции» (A.G. v. Sweden) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 22107/08, и Решение Европейского Суда по делу «Сарвари против Австрии» (Sarwari v. Austria) от 3 ноября 2011 г., жалоба № 21662/10). Причиной этого является то, что Европейский Суд последовательно подходил к вопросу как к одному из потенциальных нарушений Конвенции, придерживаясь мнения о том, что угроза нарушения устраняется за счет решения, предоставляющего заявителю право проживания в данном государстве-ответчике (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты евро по делу «М.Е. против Швеции» § 33). В делах о высылке заявителя из государства-ответчика, если из доступной информации ясно, что для него в настоящее время и на значительную перспективу отсутствует угроза высылки и подверженности обращению, предположительно нарушающему статью 3 Конвенции, и заявитель может оспорить будущее решение о высылке во внутригосударственных органах и Европейском Суде, последний в нескольких делах приходил к выводу, что дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным, и производство по делу должно быть прекращено в силу подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции (см., в частности,

Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов» (I.A. v. Netherlands) от 27 мая 2014 г., жалоба № 76660/12, *mutatis mutandis*, в соответствии со статьей 8 Конвенции, Постановление Европейского Суда по делу «Атаева и Бурман против Швеции» (Atayeva and Burman v. Sweden) (прекращение производства) от 31 октября 2013 г., жалоба № 17471/11, §§ 19–24, Постановление Европейского Суда по делу «P.Z. и другие против Швеции» (P.Z. and Others v. Sweden) (прекращение производства) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 68194/10, §§ 14–17, и Постановление Европейского Суда по делу «B.Z. против Швеции» (B.Z. v. Sweden) (прекращение производства) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 74352/11, §§ 17–20). Во всех этих делах Европейский Суд устанавливал отсутствие особых обстоятельств, связанных с соблюдением прав человека, определенных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требовали бы продолжения рассмотрения дела (пункт 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*).

Настоящее Постановление вынесено через четыре с лишним года после окончательного решения на уровне страны и после истечения срока действия приказа о высылке. Следовательно, приказ не может быть исполнен. Заявитель может возбудить новое и полное разбирательство о предоставлении убежища, объясняющее, как его экстравертная религиозная практика повлечет жестокое обращение в Иране, и его требования будут рассмотрены по существу миграционной службой и в случае обжалования – судом. Действительно, заявитель сообщил, что, если Европейский Суд прекратит рассмотрение его дела, он подаст новое ходатайство о предоставлении убежища и сошлется на свое обращение в христианство как на одно из оснований. Для заявителя в настоящее время и на значительную перспективу отсутствует угроза высылки в Иран. Если его новое ходатайство о предоставлении убежища будет отклонено внутригосударственными органами и судами, он сможет подать новую жалобу в Европейский Суд.

Практические следствия истечения приказа о высылке и вывода о потенциальном нарушении в настоящем деле одни и те же, а именно, что состоится *ex nunc* оценка последствий обращения заявителя. Мотивировка большинства судей не предложила новых существенных принципов в прецедентную практику Европейского Суда. При таких обстоятельствах более не является оправданным рассмотрение настоящей жалобы, и я не усматриваю особых обстоятельств, связанных с соблюдением прав человека, определенных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требовали бы продолжения рассмотрения дела. Соответственно, целесообразно прекратить производство по делу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 2 (примеч. редактора).

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

Я разделяю выводы особого мнения моих коллег судей Инеты Зиемеле, Винсента А. де Гаэтано, Паулу Пинту де Альбукерке, Линос-Александра Сицильяноса, и Кшиштофа Войтычека.

Я считаю, что внутригосударственные органы имеют позитивное обязательство оценить ситуацию с предоставлением убежища заявителю с точки зрения статей 2 и 3 Конвенции по своей инициативе, ссылаясь на доступную информацию. Они должны были знать, что заявитель столкнется с угрозой смертной казни в случае высылки в Иран. Они должны были это знать с учетом личной информации, представленной самим заявителем. Существует значительный материал о преследовании немусульман, включая христиан, в современном Иране. Однако внутригосударственные органы не рассмотрели международную доступную информацию и документацию, и это упущение само по себе сделало их решение противоречащим верховенству права и повлекло нарушение процессуальных требований статей 2 и 3 Конвенции. Вступивший в силу приказ о высылке, таким образом, поставил жизнь заявителя под непосредственную угрозу.

Кроме того, я бы предпочел отдельный анализ пределов, в которых конвенционное право свободного исповедания религии (то есть в настоящем деле, а не сокрытие христианской веры в Иране, как предложили внутригосударственные органы) имеет экстерриториальное применение.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ИНЕТЫ ЗИЕМЕЛЕ, ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО, ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, ЛИНОС-АЛЕКСАНДРА СИЦИЛЬЯНОСА И КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. По нашему мнению, имело место нарушение статей 2 и 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенции) в части приказа о высылке, вынесенного в отношении заявителя, по материальному и процессуальному основаниям. Что касается процесса, мы полагаем, что разбирательство по поводу предоставления убежища было омрачено серьезными недостатками, которые причинили ущерб окончательному внутригосударственному решению. С материально-правовой точки зрения мы находим, что суды государства-ответчика не соблюдали конвенционный стандарт, когда признавали, что заявитель не подвергнется риску вследствие его обращения в христианство в случае его высылки в Иран. Поскольку мы не оспариваем, что заявитель в настоящее время не подвергнется в Иране риску в связи со своими политическими убеждениями, данное особое мнение ограничено обсуждением совместимости внутригосударственного при-

каза о высылке и разбирательства в соответствии с Конвенцией в свете религиозного обращения заявителя.

СТАТУС ЖЕРТВЫ

2. Хотя юридическая сила приказа о высылке утрачена 8 июня 2015 г., мы считаем, что статус жертвы заявителя остается неизменным, поскольку ему не был предоставлен вид на жительство в Швеции, и результат любого нового разбирательства по поводу предоставления убежища, которое он может возбудить, является неопределенным. Если бы Европейский Суд прекратил производство по делу заявителя, Постановление Палаты вступило бы в силу с серьезной возможностью его не критического восприятия в любом будущем разбирательстве во внутригосударственных органах и судах. С учетом энергичного сопротивления государства-ответчика жалобам заявителя на уровне Палаты и Большой Палаты Европейского Суда Постановление Палаты ощутимо повысит риск высылки заявителя с явным нарушением его основных прав человека.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ

3. Не оспаривается, что в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища заявитель указал, что он не хотел ссылаться на свое обращение в христианство как на основание для предоставления убежища. Следовательно, основной вопрос в деле заключается в том, должны ли были власти, которые были осведомлены об обращении заявителя, по своей инициативе провести оценку также и этого риска.

Мы придерживаемся мнения о том, что внутригосударственные органы и суды имели обязательство оценить по своей инициативе потребность заявителя в международной защите в свете всех обстоятельств, которые были или должны были быть известны им. Органы власти государства-ответчика не имели выбора не рассматривать известный риск в соответствии со статьей 3 Конвенции по религиозным причинам только потому, что искатель убежища активно не использовал его во внутригосударственном разбирательстве или не полностью понимал последствия его формального неиспользования в качестве основания предоставления убежища. Вместо этого органы власти Швеции предпочли рассмотреть ситуацию заявителя, как если бы он отказался от ссылки на риск, вытекающий из его религиозного обращения.

Мы фактически не признаем, что заявитель отказался от ссылок на подобный риск. Материалы дела не содержат данных об информированном и добровольном отказе со стороны заявителя. Кроме того, с учетом абсолютного характера запре-

та *refoulement*¹ и неотступаемых прав, предусмотренных статьями 2 и 3 Конвенции, такой отказ, даже если бы он был доказан, чего в данном случае не было, не являлся бы относимым соображением. Таким образом, органы власти и суды Швеции были обязаны рассмотреть угрозу для заявителя после его обращения в случае его возвращения в Иран. Они этого не сделали.

4. Действительно миграционная служба отметила, что заявитель первоначально не хотел ссылаться на свое обращение как на основание для предоставления убежища и указывал, что его вера является личным делом и поэтому он не нуждается в защите в Швеции². Впоследствии Миграционный суд даже не упомянул данный вопрос с учетом того факта, что заявитель более не ссылаясь на свои религиозные взгляды как на основание для преследования³. Несмотря на явный аргумент заявителя, основанный на риске, вытекающем из его религиозных убеждений, который был использован в его ходатайстве о разрешении на подачу жалобы в Миграционный апелляционный суд, последний проигнорировал аргумент и отклонил ходатайство⁴. Позднее, требуя пересмотра дела, заявитель настаивал на наличии угрозы для жизни, сопутствующей обращению из ислама в другую религию, с которой он столкнется в Иране⁵. Вновь миграционная служба непреклонно указала, что заявитель ранее оставил идею ссылки на свои новые религиозные убеждения и что он, следовательно, лишен возможности выдвинуть этот вопрос в качестве нового обстоятельства⁶.

Позиция миграционной службы, которую подтвердили Миграционный суд и Миграционный апелляционный суд⁷, была впоследствии отвергнута «общей правовой позицией» генерального директора по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите. Данный документ по сути предусматривает, что первоначальное бремя доказывания возлагается на заявителя, но подчеркивает, что ответственность за оценку ходатайства о международной защите возлагается на заявителя и на рассматривающий орган⁸. В этой связи указанная «общая правовая позиция» согласуется со стандартами бремени доказывания,

установленными данным Судом⁹ и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ)¹⁰.

5. Несмотря на признание искреннего характера обращения заявителя, внутригосударственные органы и суды исходили из предположения о том, что заявитель не подвергнется риску в случае высылки в Иран, поскольку он мог изменить свое социальное поведение для исповедания своей новой веры исключительно в частном порядке. Иными словами, власти и суды Швеции исходили из того, что заявитель будет или в действительности должен воздерживаться в Иране от участия в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности в отличие от того, чем он занимался в Швеции. Данная позиция была ясно изложена миграционной службой, которая полагала, что исповедание своей веры частным порядком не рассматривается как правдоподобная причина считать, что он подвергнется преследованию в случае возвращения¹¹.

Ни Миграционный суд, ни Миграционный апелляционный суд не отвергли эту позицию. Хотя через несколько месяцев генеральный директор по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции издал новую «общую правовую позицию» от 12 ноября 2012 г. относительно религии как основания для предоставления убежища, которая ясно подтвердила, что лицо, пережившее искреннее изменение своей веры, «не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования»¹². По случайному совпадению Большая Палата Суда Европейского союза (CJEU) вынесла свое решение по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*), от 5 сентября 2012 г., указав:

«опасение заявителя по поводу преследования является обоснованным, если в свете личных обстоятельств заявителя компетентные органы полагают, что можно обоснованно думать, что после возвращения в страну его происхождения он будет участвовать в религиозных обрядах, которые подвергнут его реальной угрозе преследования. При оценке ходатайства о признании статуса беженца на индивидуальной основе эти органы не могут разумно ожидать, чтобы заявитель воздержался от этих религиозных практик».

¹ *Refoulement* – запрет принудительно возвращать беженцев в страны, откуда они прибыли (примеч. редактора).

² См. § 21 настоящего Постановления.

³ См. там же, § 28.

⁴ См. там же, §§ 30–31.

⁵ См. там же, § 32.

⁶ См. там же, § 33.

⁷ См. там же, §§ 35 и 36.

⁸ См. там же, § 47.

⁹ Постановление Европейского Суда по делу «R.C. против Швеции» (*R.C. v. Sweden*) от 9 марта 2010 г., жалоба № 41827/07.

¹⁰ УВКБ, Пояснительная записка о бремени и стандарте доказательства в заявлениях о предоставлении статуса беженца, 16 декабря 1998 г., § 6; Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженца, HCR/IP/4/Eng/Rev.1, 1992, §§ 196–197.

¹¹ См. § 21 настоящего Постановления.

¹² См. там же, § 46.

Общая правовая позиция генерального директора и решение СЕУ основаны на долгосрочных рекомендациях УВКБ от 28 апреля 2004 г. о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии, согласно которым никто не должен принуждаться к сокрытию, изменению религиозных убеждений или к отказу от них для избежания преследования¹.

6. Мы согласны с этой принципиальной позицией, которая полностью соответствует последовательной прецедентной практике Европейского Суда относительно обязанности государства по соблюдению нейтралитета в религиозных вопросах и несовместимости данной обязанности с любым полномочием государства по оценке правомерности религиозных убеждений и форм, в которых эти убеждения были выражены². Как указал Верховный суд Соединенного Королевства в деле, в котором требование о предоставлении убежища было основано на гомосексуальности, с использованием убедительной исторической аллюзии, иное решение означало бы возвращение Анне Франк в оккупированные нацистами Нидерланды в случае, если бы ей удалось бежать оттуда, на том основании, что она могла бы прятаться на чердаке и таким образом успешно избежать возможности заключения под стражу нацистами³. Верховный суд указал, что подобная позиция была бы «абсурдной и нереальной». Поэтому мы не можем согласиться с предположением государства-ответчика о том, что заявитель не подвергся бы преследованиям в Иране, поскольку он мог бы участвовать в низкопрофильной, скрытной или даже тайной практике своих религиозных убеждений. Внешнее выражение веры не только является существенным элементом самой свободы, защищаемой статьей 9 Конвенции, но как минимум и определено в случае христианства внешнее свидетельствование этой веры является «существенной миссией и ответственностью каждого христианина и каждой церкви»⁴.

Таким образом, мы заключаем, что имело место процессуальное нарушение статей 2 и 3 Конвенции в связи с серьезными недостатками, затрагивающими внутригосударственное разбирательство и последующее окончательное решение.

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ НАРУШЕНИЕ

7. Согласно требованиям Конвенции искатель убежища не может подвергнуться *refoulement* в свою страну происхождения или любую другую страну, где рискует подвергнуться серьезному ущербу со стороны неустановленного лица или публичного или частного лица. Акт *refoulement* может состоять в высылке, депортации, выдворении, экстрадиции, формальной или неформальной передаче, «рендиции», отклонении, отказе во въезде или любой другой мере, которая может повлечь принуждение лица к пребыванию или возвращению в свою страну происхождения. Угроза серьезного ущерба может происходить в случае иностранной агрессии, внутреннего вооруженного конфликта, внесудебного убийства, принудительного исчезновения, смертной казни, пытки, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, принудительного труда, торговли людьми, преследования, судебного процесса, основанного на ретроактивном или неопределенном уголовном законодательстве или на доказательствах, полученных в результате пытки или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, таким образом, составляя «грубое нарушение» существа любого конвенционного права в государстве назначения (прямое *refoulement*), или от последующего доставления лица государством назначения в третье государство, где существует подобная угроза (косвенное *refoulement*). Мы отмечаем, что запрет *refoulement* – это договорная норма, в отношении которой не допускаются отступления и оговорки⁵. Кроме того, запрет *refoulement* является принципом обычного международного права, обязательного для всех государств, даже если они не являются сторонами Конвенции ООН о статусе беженцев или любого другого договора о защите беженцев. Европейский Суд ясно признал принцип *non-refoulement* в качестве обязательной нормы международного права, в частности, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*)⁶.

8. Родившись в Иране, заявитель стал христианином вскоре после въезда в Швецию, по крайней мере, в декабре 2009 года. Его обращение точно подтверждается его сертификатом о крещении от 31 января 2010 г., декларацией от 15 марта 2010 г. пастора в Швеции, удостоверяющей, что заявитель являлся членом его конгрегации с дека-

¹ См. § 52 настоящего Постановления.

² Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» (*Eweida and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, § 81, *ECtHR* 2013, и содержащиеся в нем отсылки.

³ Решение «НД (Иран) и НТ (Камерун) против министра внутренних дел» (*HJ (Iran) and HT (Cameroon) v. Secretary of State for the Home Department*), (2010) UKSC31, 7 июля 2010 г., § 107.

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции» (*Kokkinakis v. Greece*) от 25 мая 1993 г., жалоба № 14307/88, §§ 31 и 48 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (примеч. редактора)).

⁵ Статья 33 и пункт 1 статьи 42 Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 года, пункт 1 статьи VII Протокола 1967 года и статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров.

⁶ Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 февраля 2012 г. по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*), № 27765/09, § 134, которая ссылается на Записку УВКБ о международной защите от 13 сентября 2001 г. (А/АС.96/951, § 16).

бря 2009 года и был крещен, а также письмом от 13 апреля 2011 г. из его новой конгрегации, которое указывало, что заявитель был обращен вскоре после прибытия в Швецию, что он проявил честные намерения и интерес, хотел узнать больше о своей новой вере, принимал участие в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности¹. Власти государства-ответчика не оспаривали этого.

9. В Иране обращение заявителя в христианство является уголовным преступлением, которое наказывается смертью². Кроме угрозы общественного преследования в качестве христианина³, заяви-

тель рискует уголовным преследованием за преступление отступничества⁴. Хотя власти Ирана не кодифицировали преступление отступничества, они санкционировали применение некоторых исламских норм, даже если преступление отдельно не упоминается в Уголовном кодексе. Поскольку отступничество прямо не запрещено Уголовным кодексом Ирана и существуют различные толкования исламского права по поводу отступничества, судьи имеют дискрецию для рассмотрения дел об отступничестве на основании собственного понимания исламского права⁵, которое они могут применять со ссылкой на статью 167 Конституции Ирана⁶.

¹ Миграционный суд не оспаривал тот факт, что заявитель исповедовал христианскую веру (см. § 24 настоящего Постановления).

² Последним обращенным в христианство в Иране, который был осужден за отступничество и приговорен к смерти, был Мехди Дибадж в 1994 году, хотя приговор не был исполнен. Отсутствие недавних наказаний не означает, что не имеется казней обращенных в христианство вне судебной системы. Например, Мехди Дибадж и другие протестантские пасторы были убиты вне судебной системы. Согласно международным источникам последняя смертная казнь за отступничество была фактически совершена в 1990 году (см., например: The Law Library of Congress, Global Legal Research Center // *Laws Criminalizing Apostasy in Selected Jurisdictions*, май 2014 года). Другие нехристианские «отступники» приговаривались к смерти, как Сейед Али Гарабат, бывший командир Корпуса стражей исламской революции, который был приговорен за отступничество и казнен в 2011 году, Хасан Юсефи Эшкевари, бывший член парламента, который был осужден за отступничество и приговорен к смерти в 2000 году, но впоследствии был освобожден в 2005 году, и Хашем Агаджари, профессор университета, признанный виновным в отступничестве и приговоренный к смерти в 2002 году, однако его приговор был отменен Верховным судом в 2004 году.

³ См. фрагмент, процитированный в § 57 настоящего Постановления: «любой обращенный, который хочет исповедовать свою веру по возвращении, подвергается серьезной угрозе». Ситуация лиц, обращенных в христианство, влечет мониторинг информаторов и разведывательной службы Ирана, о чем сообщают члены семей и знакомые, поиск домашних церквей и заключение под стражу членов домашних церквей. Наиболее авторитетные международные документы о ситуации с правам человека в Иране и угрозе для обращенных в христианство в данной стране – это доклады назначенного специального докладчика Совета по правам человека о ситуации с правами человека в Исламской Республике Иран, от 18 марта 2014 г., A/HRC/25/61, который особо ссылается на преступление отступничества в § 41, и от 12 марта 2015 г., A/HRC/28/70, который указывает в § 52: «На 1 января 2015 г., по меньшей мере 92 христианина остаются под стражей в стране, предположительно в связи с их христианской верой и деятельностью. Только в 2014 году 69 человек, обращенных в христианство, по сообщениям были задержаны и заключены под стражу в Иране, по меньшей мере на 24 часа. Власти продолжают преследовать лидеров домашних церквей, обычно выходцев из ислама. Лица, обращенные в христианство, также предположительно продолжают сталкиваться с ограничениями в соблюдении своих религиозных праздников». Комитет по правам человека также упоминает эту проблему в «Заключительном обзоре по Ирану» (*Concluding Observations on Iran*) от 29 ноября 2011 г., CCPR/C/IRN/CO/3, § 23. В дополнение к документам, упомянутым в этом решении, преследования христиан и особенно мусульман, перешедших в хри-

стианство, тщательно анализировались в следующих документах: Austrian Red Cross Accord (*Austrian Red Cross Accord (Austrian Center for Country of Origin and Asylum Research and Documentation)*). Freedom of Religion; Treatment of Religious and Ethnic Minorities // COI Compilation, сентябрь 2015 года; Human Rights Watch Country Summary: Iran, январь 2015 года; United States Commission on International Religious Freedom Annual report on Iran, 2015; United States Department of State, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, International Religious Freedom Report for 2015: Iran; United Kingdom Home Office, Country Information and Guidance // Iran: Christians and Christian Converts, декабрь 2014 года; Law Library of the United States Congress, Global Legal Research Center. Laws Criminalizing Apostasy in Selected Jurisdictions, май 2014 года; Brian O'Connell. Constitutional apostasy: the ambiguities in Islamic law after the Arab Spring in: *Northwestern Journal on International Human Rights*, Fall 2012; United States Commission on International Religious Freedom. The Religion-State Relationship and the Right to Freedom of Religion or Belief: A Comparative Textual Analysis of the Constitutions of Majority Muslim Countries and Other OIC Members, 2012; Kamran Hashemi. Religious Legal Traditions, International Human Rights Law and Muslim States, Martinus Nijhoff Publishers, 2008; European Centre for Law and Justice and American Center for Law and Justice // *International Legal Protection of the Right to Choose One's Religion and Change One's Religious Affiliation: Iran*, сентябрь 2007 года.

⁴ См. доклад центра документации по правам человека Ирана за 2014 год «Apostasy in the Islamic Republic of Iran», в котором подробно излагается прецедентный и правовой контекст, в котором в Иране рассматриваются дела об отступничестве. Доклад углубленно рассматривает ряд дел об отступничестве, затравивавших широкий круг обвиняемых, и содержит обзор правовых и религиозных вопросов, выдвинутых в каждом деле. Также следует отметить, что некоторые известные внутригосударственные суды уже предоставляют статус беженцев иранским обращенным в христианство на основе страха преследования, такие как Новозеландский трибунал по делам иммиграции и защиты: (AP(Iran), (2011) NZIPT 800012, 29 сентября 2011 г.), Австралийский трибунал по проверке дел беженцев (RRT Case № 1002841, (2010) RRTA 681), Апелляционный суд Англии и Уэльса (MM (Iran) v. Secretary of State for the Home Department, (2010) EWCv Civ 1457, 17 ноября 2010 г.) и Канадский федеральный суд (Mostafa Ejtahadian v. Canada (Minister of Citizenship and Immigration), 2007 FC158, 12 февраля 2007 г.).

⁵ Что касается наказания за отступничество согласно исламскому праву, см.: Ahmed Akgündüz. *Islamic Public Law* // *Iur Press*, 2011. P. 370–377.

⁶ Статья 167 Конституции Ирана предусматривает, что: «Судья обязан пытаться найти приговор по каждому делу в кодифици-

Кроме того, преступление отступничества наказывается, даже если отсутствуют общественные волнения, что дополнительно усугубляет по сути интроспективный характер уголовного наказания. Кроме того, преступление отступничества вменяется по-разному для мужчин и женщин, мусульман и немусульман, шиитов и суннитов, мусульман, являющихся и не являющихся детьми мусульман. Члены других религиозных общин и неверующие могут стать мусульманами, не опасаясь никакого преследования. Женщины-отступницы не подлежат смертной казни в отличие от мужчин.

10. По нашему мнению, криминализация отступничества нарушает международное право прав человека¹. Такие наказания по существу произвольны, поскольку криминализация акта перемены религии нарушает право на свободу религии и эффективно вынуждает мусульманских граждан воздерживаться от принятия другой веры. В соответствии со статьей 18 Всеобщей декларации прав человека свобода религии с необходимостью охватывает «свободу менять свою религию или убеждения»². Кроме того, с правовой точки зрения объективные и субъективные требования к уголовным наказаниям за акт отступничества являются неопределенными и двусмысленными, как и применяемые санкции, различия в обращении между категориями правовых субъектов являются дискриминационными.

11. Наконец, совершение такого преступления может быть доказано в соответствии с правилами

доказывания, которые могут расходиться с базовыми принципами равенства и справедливости. Правила доказывания не только содержат дискриминацию между показаниями мужчин и женщин, мусульманских и немусульманских свидетелей, но, что еще хуже, они признают использование частного «знания судьи» для обоснования уголовного осуждения. В свете вышеизложенного преследование и осуждение за отступничество как за преступление составляют вопиющий отказ в правосудии³.

12. В итоге приказ о высылке заявителя в Иран, где он мог быть осужден в соответствии с вышеупомянутым уголовным и процессуальным правом, приравнивается к нарушению принципов, глубоко укоренившихся во всеобщем правовом сознании. Приказ о высылке подверг его серьезному риску осуждения на основании уголовного права, которое вопиюще расходится с правом на свободу религии и принципом уголовной законности, а уголовный процесс составит вопиющий отказ в правосудии. Исполнение такого приказа о высылке составит грубое нарушение принципа *non-refoulement*.

Следовательно, мы заключаем, что имело место материально-правовое нарушение статей 2 и 3 Конвенции в части приказа о высылке, вынесенного против заявителя. С учетом вышеизложенного мы также добавляем, что, *rebus sic stantibus*⁴, государство-ответчик не должно высылать заявителя в Иран.

рованных законах, а если он не сможет этого сделать, ему следует выносить приговор на основе авторитетных исламских источников или признанных фетв. Судья не может отказать от рассмотрения дела и вынесения приговора под предлогом молчания закона по данному поводу, недостаточности или краткости положений закона либо противоречий в законах».

¹ Аналогичную позицию занимает доклад специального докладчика ООН по свободе религии или убеждений Хейнера Билефельдта (*Heiner Bielefeldt*), A/HRC/22/51, 24 декабря 2012 г., который рекомендует, что «государствам следует отменить любые положения уголовного законодательства, предусматривающие наказание за вероотступничество», приводя на странице 17 пример пастора Юсефа Надерхани, который был признан в 2010 году виновным в вероотступничестве и приговорен к смертной казни, однако позднее он был освобожден после трехлетнего заключения. Он также заключает: «специальный докладчик хотел бы еще раз подчеркнуть, что экстрадиции или депортации, которые могут привести к нарушению свободы религии или убеждений, уже сами по себе являются нарушением прав человека. Кроме того, такие экстрадиции противоречат принципу недопустимости принудительного возвращения, закрепленного в статье 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года».

Против криминализации всегда высказывался Комитет по правам человека, а общий комментарий 22 о праве на свободу мысли, совести и религии, CCPR/C/21/Rev.1/ADD.4, 27 сентября 1993 г., § 5, устанавливает: «Пункт 2 статьи 18 запрещает принуждение, которое умаляет право иметь или принимать религию или убеждение, включая угрозу физической силы или уголовных санкций для принуждения верующих или неверующих к приверженности их религиозным убеждениям и конгрегациям, к отречению от их религии или убеждениям или к обращению».

² По сути сам Коран гарантирует свободу религии («В религии нет принуждения, ибо прямой путь истины уже ясен знамениями и отличается от пути заблуждения» (Коран, 2:256)), и ни одно место в Коране не устанавливает наказания за обращение в другую веру.

³ См.: *Rudolph Peters. Crime Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the sixteenth to the twenty-first century*, Cambridge University Press, 2005. P. 177–179; *Abdullah Saeed and Hassan Saeed. Freedom of religion, apostasy and Islam*.

⁴ *Rebus sic stantibus* (лат). – если обстоятельства остаются без изменения (примеч. переводчика).